

НИКОЛАЙ СОЛОГУБОВ

**МОЙ
ДРУГ
ХОККЕЙ**

Николай Сологубов

**МОЙ
ДРУГ
ХОККЕЙ**

„Физкультура и Спорт“
МОСКВА 1967

Заслуженный мастер спорта, многократный чемпион страны, Европы и мира Николай Сологубов рассказывает о своем спортивном пути, товарищах, с которыми он одерживал славные победы на хоккейных полях.

Книга позволит читателю взглянуть на советский хоккей, его развитие, становление глазами одного из главных участников этого процесса, поможет взглянуть в завтра отечественного и мирового хоккея.

Л и т е р а т у р н а я з а п и с ь Ю . А р у т ю н я н а

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Почему я взялся за перо?

Ответить на этот вопрос можно, конечно, по-разному. И все-таки, думается, самым правильным ответом будет такой: для того чтобы продолжать жить в спорте, в хоккее, которому отдано более чем пятнадцать лет.

Впрочем, я отнюдь не оставил клюшки и по-прежнему появляюсь на льду. Не для здоровья или, как некогда говорили, моциона, а чтобы сохранить в свежести прежние навыки хоккейной техники, не потерять «чувства шайбы». Ведь педагог — а ныне я тренер — должен уметь не только интересно рассказать, но и, что, пожалуй, много важнее, уметь показать ученику, как выполнять тот или иной прием.

Книга эта — не учебник. Это скорее своеобразная исповедь игрока, которому в общем-то вроде бы грех обижаться на спортивную судьбу, но который хочет предостеречь всех, кто пожелает подружиться с клюшкой, от отдельных ошибок, выпадавших и на долю автора этих строк и на долю его товарищей и друзей по хоккею.

Но, разумеется, в первую очередь мне хотелось бы попытаться ответить на вопросы: как стать хорошим хоккеистом? Что для этого надо делать и знать? От чего навсегда отрешиться?

*Очередной приз в руках капитана команды ЦСК МО
Николая Сологубова*

верное, я ничем не отличался от своих сверстников-мальчишек, проживавших неподалеку от Мясокомбината, одного из крупнейших пищевых предприятий Москвы.

Все свободное от школы время мы пропадали на заводском стадионе. Помнится, с нами тогда — это было в 1939 году — толком никто не занимался. Впрочем, обычно

пацаны настолько ловко обращались с футбольным мячом и клюшкой (у каждого за плечами до сотни дворовых матчей), что наиболее способных принимали в детские и юношеские команды.

Что мне больше нравилось: футбол или хоккей? Разумеется, сейчас на этот вопрос я бы ответил без промедления. Тогда же я, как, уверен, и все мои одноклассники, одинаково поклонялся двум богам, не отдавая предпочтения ни одному.

Летом играл в футбол, зимой — в хоккей. Подобное разделение спортивного сезона в те годы было обычным явлением, и лишь немногие, окончательно уверовав в свои силы, останавливали свой выбор на чем-нибудь одном.

Со временем все же я выбрал хоккей. Бегал я на коньках быстро, клюшкой (ее крюк был сделан из старой дуги, а середина рукоятки — из упругого камыша) владел неплохо, хотя маленький плетеный мяч то и дело норовил ускользнуть в сторону.

Надо ли говорить, что я жаждал забить гол! И не как-нибудь, а непременно обведя нескольких соперников и, выманив вратаря, победителем въехать с мячом в ворота!

Во второй детской команде, где меня вскоре выбрали капитаном, это считалось верхом хоккейного искусства. **И я был несказанно удивлен, когда после одного матча,**

кстати проигранного нами из-за моей неудачной обводки (вратарь перехитрил меня и не поддался на уловку, остался в воротах), ко мне подошел игрок первой команды Александр Загретский и, отведя в сторону, сказал:

— Ну, вот что, парень, нос капитану после неудач вешать не следует, с тебя остальные пример брать должны. А насчет матча... Ты, что же, решил, в самом деле в одиночку всех обыграть? Вот в следующее воскресенье будем играть с «Буревестником», так ты давай выходи на поле один.

Хорошо, что ребята не слышали нашего разговора! Но разве от этого мне было легче?

— Ты видел, как играет Михай? — продолжал мой добровольный наставник.

Об игре Михея — так спортивная Москва величала великолепного мастера хоккея и футбола московского динамовца Михаила Якушина, ныне одного из наших лучших футбольных тренеров — в то время ходили чуть ли не легенды. В самом деле, редко когда динамовский центральный нападающий уходил с поля без гола. А какие это были голы! Вратари не успевали поправить козырьки кепок, а мяч, будто пущенный из катапульты, врзался в сетку! Особенно метко и почти безотказно Михай поражал цель, принимая мяч от углового флага. Но все-таки больше всего в искусстве этого мастера привлекали даже не его снайперские удары, а поистине изумительное умение руководить партнерами, дирижировать игрой.

Передвигаясь в общем-то не очень быстро, он тем не менее всегда успевал послать мяч именно тому, кто в данный момент занимал наиболее выгодную, как говорится, голевую, позицию. При чем, адресовав мяч, он поспевал выкатиться на острие атаки, чтобы в случае чего самому стрельнуть по воротам. А они в то время, как известно, были примерно вдвое ниже и уже нынешних.

По совету Загретского я стал смотреть за игрой Якушина особенно внимательно, стараясь уяснить себе смысл его тонких маневров. Так я научился меньше «жадничать», не старался во что бы то ни стало забить мяч сам, а чаще искал партнера, занявшего более выгодный рубеж для атаки. Перефразируя слова известной песни, могу сказать, что хоккей я, как и все мои сверстники, учил не по учебникам, которых, замечу попутно, тогда и в помине не было.

Не отрицая пользы теории и современных методов тренировок, я глубоко убежден в том, что решающее слово было и остается за практикой, то есть многократным повторением какого-либо технического приема, доведением его до полного автоматизма. А такое достигается в многотрудных тренировках, приближенных к условиям матча. Это, конечно, вовсе не означает, что воспитание молодого игрока должно быть абсолютно самостоятельно и бесконтрольно. Я позволю себе дать совет тренерам, работающим с детьми.

И футбол, и хоккей уже сами по себе являются сильными магнитами для юношей. Поэтому очень важно не дать ребятам «размагнититься», разочароваться в избранном виде спорта. А в этом смысле многое зависит от умения зажечь учеников, построить урок интересно, с эмоциональными перебивками, когда умеренная доза веселости, целенаправленного, что ли, смеха, шутка скрадывают впечатление от заведомо скучного, но несомненно нужного упражнения.

Я повторяю эту, быть может ставшую прописной, педагогическую истину потому, что на первых порах становления нашего хоккея (меньше с мячом, больше с шайбой), да и несколько позже, наблюдал, как подчас правильно составленное, но без «изюминки» проведенное занятие оставляло игроков равнодушными, вызывало у них зевоту, скуку. А ведь, готовясь к состязанию, очень важно аккумулировать, зарядить себя хорошим настроением, верой в победу. Без такого настроения, и не только словесного, вряд ли добьешься успеха.

Вернусь, однако, к истокам своей спортивной биографии. По-видимому, мое старание и кое-какие достижения привели к тому, что спустя три года я уже играл за первую команду взрослых. Помню, когда мне впервые сказали об этом, я не поверил своим ушам, думал, ребята разыгрывают. Когда же сообщение подтвердилось, то долго не находил себе места от охватившего меня волнения. «Сумею ли?» По улице я старался идти высоко подняв голову; встречая знакомых ребят, произносил слова с хрипотцой, басил для солидности.

Играть со взрослыми надо было как-то по-другому — таково было мое убеждение, когда я вышел на лед в составе первой мужской команды. Сначала я стремился как можно быстрее освободиться от мяча и пасовал сразу же,

дабы не вызвать неудовольствия партнеров. Получилось, однако, совсем наоборот.

— Играй в свою игру, Николай! — каждый раз слышал я от товарищей, когда, вместо того чтобы применить обводку, я вдруг отдавал мяч абсолютно «закрытому» соперниками игроку.

Конечно, все эти огрехи были результатом предстартовой лихорадки. Подобную робость, неуверенность в своих силах я в дальнейшем нередко наблюдал у многих дебютантов. И я до сих пор благодарен товарищам по команде за то, что они очень тактично, не прибегая к грубому окрику, назойливым наставлениям, помогли мне поверить в себя.

Хоккей с мячом, или, как его чаще называют у нас, русский хоккей, был для меня, как, впрочем, и для многих игроков, в дальнейшем отличных шайбистов — В. Боброва, Е. Бабича, А. Виноградова, В. Никанорова и других, — великолепной школой, без которой вряд ли было возможно столь быстро освоить незнакомую игру — канадский хоккей.

Посмотрев первые игры в канадский хоккей (это было в 1946 году), я захотел сам взять новую для себя клюшку и попробовать погонять шайбу. Казалось бы, плоский резиновый кругляк и небольшой плетеный шарик, мяч для русского хоккея, не такие уж дальние родственники. На поверку же вышло совсем иное. Шайба после удара клюшкой то катилась колесиком, то проделывала невообразимые прыжки, словно под ней была грязная проселочная дорога, а не сверкающий, гладкий, как зеркало, лед. Короче говоря, первое знакомство с шайбой было не из удачных. Тем не менее новая игра понравилась, а что поначалу не удавалось укротить непослушный резиновый кругляк — так ведь не сразу Москва строилась! И солдатская закалка, умение преодолевать трудности пришли на помощь, как помогал мне спорт в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны (я воевал с 1942 по 1944 год). По отдельным отрывочным сведениям, по письмам знакомых, от земляков-москвичей, попадавших служить в мою часть, я знал, что там, в Москве, как и в других городах нашей великой Родины, где также ковалась Победа, — там спортивная жизнь не затихала ни на минуту. И уже одно это придавало нам, воинам-спортсменам — а таких на фронтах Великой Отечественной войны было множе-

ство, — дополнительные силы в битве с жестоким и коварным врагом. В феврале 1944 года я был ранен в обе ноги и около пятнадцати месяцев пролежал в госпитале.

— Придется, спортсмен, ампутировать, — сказал доктор. — Иначе...

Быть может, мое энергичное «Нет, доктор, ногу трогать не дам!» прозвучало не очень вежливо. Но почему-то я верил в то, что все обойдется благополучно. Так оно, собственно, и случилось. Окончательно на ноги я встал в Удмуртской АССР, куда был эвакуирован.

А спустя год после госпиталя и ровно три года после расставания с хоккеем я снова встретился с ним в Чите, игроком местной армейской команды. Снова на моей фуфайке значился № 9. Гибкая камышовая клюшка «жаждала» встречи с мячом. Все было как прежде. Я крепко стоял на льду, с удовольствием вдыхал морозный воздух и с нетерпением ждал свистка судьбы, чтобы броситься в самую гущу жаркой спортивной схватки.

Вскоре меня перевели служить в Хабаровск, где команду местных армейских хоккеистов в то время тренировал известный в прошлом футболист сначала московского «Спартака», а затем ЦДКА — Григорий Тучков. Он-то и рискнул порекомендовать меня в команду хоккеистов-шайбистов ЦДКА.

ШАЙБА СМЕНЯЕТ МЯЧ

уже упоминал о своем знакомстве с канадским хоккеем. И, несмотря на то, что оно было мимолетным, мысль о новой игре, в которой скорость передвижения превышала все знакомое ранее, а сама борьба носила мужественный силовой характер, мысль о новом свидании с шайбой не оставляла меня.

Не хочу быть понят превратно. То было вовсе не самоуверенность и тем более не желание всех удивить, стремительно взлетев к вершинам

спортивной славы. Просто по складу своего характера, еще мальчишкой, я всегда искал соперничества острого (уж побороть соперника, так не иначе, как на лопатки!), в котором не могло быть никаких компромиссов.

Многого, конечно, я, как, впрочем, и большинство шайбистов тех лет, не знал, многое приходилось постигать самому. Это, в частности, относится к силовому единоборству — одному из важнейших компонентов современного хоккея. Свой перевод в коллектив Центрального клуба Советской Армии — команду, где был собран почти весь цвет нашего хоккея, я расценивал, как большую для меня честь и доверие, которые нужно оправдать. В это время армейские спортсмены готовились к чемпионату страны в Свердловске. Я слышал, что цэдековцы занимаются не жалея сил, как говорят, до седьмого пота, и психологически был подготовлен к большим физическим нагрузкам! Но трудно пришлось мне. Нет, я вовсе не устал после первого выхода на лед! Однако, встав на непривычные для себя коньки марки «Космос» (их лезвия сильно закруглены, в просторечье такие коньки сейчас именуют «канады»), я вскоре упал, вызвав веселые улыбки своих новых товарищей.

Ребята смеялись по-доброму, почти каждый из них испытал нечто подобное, привыкая к новым конькам и к тяжелым, похожим на одеяние средневековых рыцарей щиткам, налокотникам и прочим хоккейным доспехам. Кстати, это специальное снаряжение было тогда немалой редкостью, так что многие детали своего хоккейного костюма мы делали сами, по «домашним чертежам».

Как ни радушно тебя приняли в новом доме, хорошо когда в нем встретится знакомое лицо, товарищ. Поэтому я был несказанно обрадован, увидев среди новых друзей одного старого — Владимира Никанорова, одноклубника из первой хоккейной команды Мясокомбината.

С ним в паре я и дебютировал в матче против московского «Спартака». Если бы матч этот остался запечатленным в кинокадрах, я с удовольствием прокручивал бы его на тренировках молодым игрокам, не боясь, что они без труда узнают в изрядно растерянном новичке Сологубове своего нынешнего тренера, который тогда, щедро расходуя силы, так и не смог правильно осуществить это самое силовое единоборство. Разумеется, я не давал своим подопечным «свободной жизни», но нередко после

Быть первыми всегда трудно. Но и почетно. Ныне этот снимок команды ЦДКА образца 1949/50 г. принадлежит истории хоккея, хотя летописцы ее все живы и здоровы. В последнем ряду слева нетрудно узнать футбольного вратаря и хоккейного защитника Владимира Никанорова. Рядом с ним — автор книги Николай Сологубов. Дальше стоят Владимир Меньшиков и Михаил Орехов, чьи сыновья сейчас тоже стали известными хоккеистами. Андрей Старовойтов — судья международной категории, а Анатолий Тарасов — тренер и команды ЦСКА и сборной команды страны.

очередной схватки оказывался на скамье штрафников. Правда, находился я там не в одиночестве. Мы учились, и наши ошибки в какой-то мере являлись неизбежными.

В другом матче, с московскими динамовцами, мне в общей сложности пришлось просидеть 11 минут штрафного времени. И все это время я клял себя на чем свет стоит за избыток темперамента.

Вскоре, однако, я понял, что дело тут не в темпераменте. Без умения жестко, но правильно выполнять силовые приемы защитнику, а точнее — любому игроку, включая вратарей (у них, правда, несколько иная техника выполнения силовых приемов), собственно, нечего делать на поле.

Чем умнее, хитрее и изобретательнее нападающий, тем труднее против него играть. Это в общем-то само собой разумеется, но зато и намного интереснее — в этом я убедился на собственном опыте. Это очень непросто, набрав скорость, идти на сближение с атлетом-защитником, стремясь обмануть его, применив финт, и не попасться на силовой прием. Поверьте, однако: ничуть не легче отобрать шайбу у скоростника-форварда! Ведь он летит вперед, видя перед собой всю картину хоккейного боя, тогда как защитнику, если не успел атаковать противника в момент приема им шайбы, приходится откатываться назад, выжидая удобный случай для повторного нападения.

Я всегда ждал быстрого, напористого соперника, ибо понимал, что только в таких дуэлях смогу найти способы нейтрализации нападающих в рамках правил.

Нельзя не напомнить, что то было в 1948—1954 годах, когда советский хоккей набирался опыта международных встреч. Победен великолепный клуб ЛТЦ в Чехословакии (6 : 3) — по существу, сборная страны; выиграны матчи у польских друзей, у команд ГДР, Швейцарии, Финляндии, Швеции, Норвегии, ФРГ.

Конечно, победы эти способствовали тому, что наши молодые шайбисты уверовали в свои силы, убедились, что не боги горшки обжигают. Тем не менее наши тренеры и хоккеисты прекрасно отдавали себе отчет в том, что первые наши достижения — это лишь начало трудного пути перед тем как бросить вызов сильнейшим командам в играх на чемпионатах Европы, мира и олимпиадах.

Но, пожалуй, нашей самой заветной, общей мечтой была встреча с канадцами, этими некоронованными королями хоккея, его основателями. Мечтал о таких встречах, конечно, и я. Мечтал и готовился к ним. Не видя, что называется, живых канадцев в деле, я тем не менее старался представить себе их манеру игры и, как, возможно, догадался читатель, начал с изучения силовых приемов. Ибо с чего иного, с каких других приемов можно было начать?

В то же время из всех нападающих ЦСКА «образца 1950 года», пожалуй, более других отвечал типу хитроумного форварда (впоследствии я убедился, что эта модель была весьма похожа на канадского нападающего) Владимир Елизаров. Зачастую создавалось впечатление, что он сам не знает, что сделает с шайбой в следующую секунду. Однако скольких защитников обманула эта кажущаяся растерянность! Менее опытные опрометчиво бросались на Елизарова и бывали сразу же наказаны: убрав шайбу «под себя», форвард мгновенно выводил ее вперед, но уже с другой стороны. Защитник проскакивал мимо, а Володя успевал убежать от него и «растасклять» вратаря. На тренировках я старался играть всегда против него, впоследствии — против Анатолия Фирсова, тоже очень быстрого и изобретательного форварда.

Стоило мне, к примеру, подкатиться к Елизарову вовремя, не дав ему и секунды на размышление и, что еще важнее, на выполнение приема, как шайба чаще всего оказывалась у меня. В силовой борьбе я научился побеждать.

Какой тактики придерживались команды на первом этапе становления хоккея с шайбой? Вопрос, прямо скажем, не праздный, и дать на него исчерпывающий ответ вряд ли кто-либо рискнет. В то время тренеры, также в прошлом игроки в русский хоккей, только-только нащупывали путь, который спустя десять лет вывел советский хоккей на первое место в мире, отеснив с передовых позиций дотолем почти непобедимых канадцев.

Общими для всех наших команд, начавших культивировать новый хоккей, были, конечно же, большая скорость, отличная физическая подготовленность, приобретенные на широких просторах хоккейного поля. Именно эти качества явились основой, на которой получил свое дальнейшее развитие хоккей с шайбой в нашей стране. И, надо полагать, не только привычкой к броскости, рек-

ламной звонкости можно объяснить аршинные заголовки зарубежных газет и журналов, выносивших вскоре на первые полосы заголовки вроде: «Русский ураган в Стокгольме», «На космических скоростях», «Споря с ракетой» и т. д.

Да, скорость бега на коньках была действительно едва ли не главным козырем советских хоккеистов. Но, разумеется, не единственным. Многие зарубежные обозреватели наряду с высокой мобильностью и хорошей физической подготовленностью наших хоккеистов единодушно отмечали их по-настоящему командную, коллективную игру, где действия каждого хоккеиста были подчинены общей идее, где каждый работал на общую победу!

Уже тогда, в первых международных встречах, в действиях игроков сборной команды СССР проглядывало стремление играть несколько иначе, чем европейские команды — в первую очередь сборные Чехословакии и Швеции. И это желание обрести свой игровой почерк в немалой степени отражало те поиски, которые вели хоккеисты и тренеры наших лучших команд, в основном московских «Динамо», ЦДКА (затем ЦСКА), ВВС, «Спартак» и «Крыльев Советов». Каждая из них старалась играть по-своему, ведя кропотливый поиск наилучших форм атаки и обороны.

Сейчас, наверное, у почитателей хоккея вызвал бы по меньшей мере улыбку настойчивый, часто повторяющийся один и тот же прием, когда двое нападающих (у московских динамовцев это были Б. Петелин и А. Уваров), идя параллельным курсом, передавали друг другу шайбу в одно касание, стараясь прорвать оборону. Прием простой, но надо сказать, что защитникам было нелегко уследить за шайбой, мгновенно меняющей адрес. Внимание их раздваивалось, и часто кто-либо из нападающих проскакивал-таки на пягачок к воротам.

В команде ЦСКА одно время роль центрального нападающего — диспетчера, совершавшего кругообразные движения в центре поля и раздававшего шайбы крайним форвардам, — выполнял Анатолий Тарасов, ее нынешний тренер. Получив шайбу, он начинал маневрировать, выжидая, когда можно будет передать ее кому-либо из партнеров, которые на скорости врываются в зону соперников, выполняя окрестные движения. Что касается построения наших оборонных порядков, то я действовал не-

сколько впереди Владимира Никанорова и был, по существу, атакующим защитником. В случае потери шайбы все пять игроков быстро откатывались назад, и, отобрав шайбу на синей линии (линия, которая делит хоккейное поле на определенные зоны), переходили в контратаку.

Динамофцы в таких случаях заранее выстраивались всей командой на синей линии, ожидая атакующих.

Очень сильные хоккеисты ВВС — команды Военно-Воздушных Сил — строили свои атаки в расчете на высокое мастерство таких виртуозов, как Всеволод Бобров, Евгений Бабич, Виктор Шувалов.

Словом, то была пора исканий.

Вскоре, однако, добытые крупницы опыта были переосмыслены. Участвовавшие контакты с зарубежными командами окончательно утвердили наших тренеров и хоккеистов в мысли, что одной скорости бега на коньках и хорошей физической подготовленности явно недостаточно, чтобы побеждать сильнейших, и в первую очередь канадцев.

Можно было, конечно, сколько угодно осуждать любителей устроить драчку, вплоть до рукопашной, что подчас практикуют канадские хоккейные звезды, но нельзя все-таки отказать им в умении вести эффективную силовую борьбу. Уже несколько позже, встречаясь с канадцами регулярно, я заметил, что силовые приемы используются ими не столько как один из важнейших компонентов игры, сколько как элемент психологического давления на соперника. Как говорится — страху нагоняют. А перетрусивший соперник уже наполовину побежден!

Здесь не лишне напомнить, что хоккей — это игра сильных мужественных людей. Надеюсь, меня не сочтут за охотника «за чужими ногами», игрока, попирающего кодекс спортивной чести. Но, право же, я никогда не отказывал себе в удовольствии пожестче, чем это следовало бы, применить силовой прием против трусливого игрока.

Да, хоккей не терпит трусов, как и заводимых драчунов, превращающих его в площадную потасовку. Однако и те и другие — все же печальное исключение, и силовой прием, если он выполнен мастером, никогда не приведет к увечью, хотя соперник и может оказаться распростертым на льду. Больше того, атака и контратака, столкновение на скорости (а они неизбежны) очень зрелищны,

В хоккее это бывает нередко. Единоборствуют защитники — московский динамовец Виталий Давыдов и Николай Сологубов

эффектны, если, повторяю, соперниками руководит хороший спортивный азарт, а не желание свести счеты.

Как же лучше всего атаковать нападающего, чтобы успешно выиграть поединок? По-видимому, у каждого хоккеиста, долго игравшего в классных командах, есть какие-то свои помимо общепринятых приемы, которые он считает наиболее эффективными и предпочитает всем остальным.

Лично я любил чаще всего атаковать соперника вдвоем. Делалось это так. Один из нападающих (в команде ЦСКА обычно Леонид Волков) приставивался рядом с соперником, ведущим шайбу, еже-

секундно поднимая крюком своей клюшки его клюшку. Такая надоедливая и настойчивая опека заставляет нападающего сосредоточить все внимание на шайбе. «Уткнувшись» в нее, он невольно выпускает из поля зрения все остальное, и защитник без особого труда забирает у него шайбу, предварительно резким толчком оттерев в сторону.

Убеждаясь с каждым матчем в необходимости силовой борьбы, я не уставал подолгу отрабатывать самые разнообразные, так называемые подводящие упражнения.

Сторонний наблюдатель наверняка удивится, попав на обычную тренировку хоккеистов ЦСКА в летне-осенний период. Именно в это время закладывается основа будущих успехов, накапливается сила в мышцах, восстанавливаются утраченные за короткий отдых от игр технические навыки, или, говоря языком физиологов, восстанавливается динамический стереотип.

Я никогда не подсчитывал синяки и шишки, выпадавшие на мою долю на занятиях, но уверен, что их было не меньше, чем после хорошего матча. Во всяком случае, не будь их, наверное, ни я, ни мой многолетний напарник по обороне Иван Трегубов вряд ли научились бы жестко, но в пределах допустимого атаковать соперников и, что не менее важно, смело встречать грудью шайбу, летящую пулей в ворота.

Мы помногу занимались специализированной борьбой, где разрешалось толкать, бросать соперника через бедро, нырять под него, стараясь проташить на спине, чтобы затем сбросить на лед. Впрочем, вся система подготовки команды к сезону всегда носила предельно целенаправленный характер. Всё — гимнастика, штанга, баскетбол, акробатика и немало других видов спорта — «работало» на хоккей. Мы без напоминаний и понуканий тренеров соблюдали святое для нас, армейских спортсменов, правило: тяжело на тренировке — легко в игре. Собственно, иначе и быть не могло. В нашей команде, где всегда была очень сильная конкуренция, остановившийся в своем росте хоккеист мог сразу же оказаться за бортом в буквальном и переносном смысле этого слова. Поэтому выступления за Команду ЦСКА только для непосвященных казались легкими — вроде воскресной лыжной прогулки. Мог бы привести немало примеров, когда довольно способные хоккеисты не приживались в нашем коллективе именно из-за того, что им оказывался неумоготу строгий, спартанский режим нашей дружины.

Я написал слово «спартанский» и уже вижу недоверчивые улыбки иных читателей. «Мол, полноте, Николай Сологубов! Какими пуританами рисуете вы своих товарищей? Так ли это на самом деле?»

Что здесь ответить?

Нет, ни я, ни мои друзья по команде ЦСКА никогда не давали обет воздержания от многих радостей жизни. Мы с удовольствием выпьем по бокалу шампанского, а иногда и чего-нибудь покрепче. Такое всегда случалось за праздничным столом, по случаю очередной победы в чемпионате страны, завоевания титулов чемпионов мира, олимпийских игр и Европы. Наконец, не фруктовая же вода пенится в наших бокалах, когда мы чествуем очередного именинника! Так что я с полным правом могу повторить, несколько измененное правда, известное выра-

жение: «Я спортсмен, и ничто человеческое мне не чуждо».

Но помнили мы и другие, весьма правильные слова: делу время — потехе час. Поэтому за минутное опоздание на тренировку без уважительной причины нарушитель распорядка подвергался традиционной «экзекуции»: партнеры по звену наносили ему хоть и несильный, но обидный удар ниже спины подошвой резиновых кед. Закон распространялся на всех, невзирая на прежние заслуги и авторитеты. Истинность этих слов, думаю, сумеет подтвердить и мой старый друг Константин Локтев, ставший после аналогичной истории, случившейся с ним, на редкость пунктуальным.

Позволю, однако, заметить, даже самое идеальное сочетание одаренных мастеров — и не только в хоккее — не всегда приводит к рождению боеспособного ансамбля. Возможно, это похоже на парадокс, но именно различные по манере игры хоккеисты, будучи, конечно, большими мастерами, всегда представляют загадку для соперников. Они умеют в любой момент сыграть на какого-либо определенного партнера, сделав его главной фигурой атаки, могут избрать любой другой ход, чтобы создать перелом в игре. Поэтому, признавая высокую одаренность спортсмена, необходимой предпосылкой его будущих успехов, главным фактором, способствующим достижению высоких и стабильных результатов, были, есть и будут ежедневные, многочасовые тренировки.

Казалось бы, азбучная истина. И тем не менее, несмотря на очевидность, я намерен повторять ее и в дальнейшем, ибо и мой личный опыт и опыт моих товарищей говорит о том, что без таких занятий нечего и думать о высотах хоккейного мастерства.

В этом смысле следует считать аксиомой известное выражение: «Титул чемпиона можно случайно проиграть, уступить, случайно же завоевать — нельзя!». Они, эти слова, особенно хорошо знакомы хоккеистам ЦСКА, которым вот уже на протяжении полутора десятка лет приходится почти в каждом матче выдерживать жесточайший натиск.

Предвижу возражение: «Преимущество армейских спортсменов над остальными командами, исключая разве что московское «Динамо» и «Крылья Советов», было некогда настолько велико, что, победив двух своих ис-

конных конкурентов, армейцы в дальнейшем практически не знали серьезных преград на пути к победному финишу».

Примерно пять-шесть лет назад подобное утверждение было не лишено оснований, хотя, сколько я помню, нам золотые медали на блюдечке с голубой каемочкой никогда не преподносили. Если же говорить о последних трех-четырёх сезонах, то в группе лидеров произошли заметные изменения. Из трех фаворитов прежних лет лишь армейцам и динамовцам Москвы удалось сохранить свои позиции, причем «всегда серебряные», почти постоянно занимавшие вторые места вслед за армейцами динамовцы в последние годы были оттеснены возродившим свою былую славу московским «Спартаком», который в сезоне 1961 года стал чемпионом страны, и серьезно заявившим о себе Воскресенским «Химиком».

Такое выравнивание класса команд ведущей группы (сюда следует отнести способных игроков ленинградского СКА, по отдельным сезонам — московского «Локомотива») не может не радовать всех истинных любителей хоккея. В связи с этим мне не кажется бесспорной точка зрения некоторых специалистов и, пожалуй, в большей степени журналистов, утверждающих, что о классе национального хоккея следует судить по выступлениям сборной команды страны.

Этот тезис верен лишь отчасти. Судите сами. Сборная команда Канады за последние несколько лет вроде бы ничем не блещет в официальных международных соревнованиях. Но можно ли утверждать, что любительский хоккей Канады переживает серьезный кризис? Здесь, по моему, уместнее говорить о не совсем оправдавшейся системе подготовки игроков, а еще вернее, если учитывать особенности канадского хоккея, — системе комплектования сборной команды. Как это ни парадоксально, но именно обилие равноценных игроков, причем высокоодаренных, как раз и становится главным препятствием для тренера сборной команды Канады в период ее комплектования. Такое стало проблемой в любительском хоккее Канады особенно в последние годы, когда взамен отдельных клубов, — как правило, победителей розыгрыша Кубка Аллана, высшего приза любительского хоккея Канады, — федерация стала посылать на чемпионаты мира сборные команды,

Что же касается нашего хоккея, то создается впечатление, что его признанный лидер ЦСКА не является уже безраздельным гегемоном. Конечно, армейцы полны стремления сохранить свои позиции, чего я им по понятным причинам желаю от всего сердца. Однако всякие личные симпатии не могут не отступить перед фактами. А все говорит за то, что уравнение класса нескольких ведущих команд должно привести к подъему спортивного мастерства всего нашего хоккея.

Но только возросшая конкуренция в борьбе за призовые места — это решение лишь части проблемы. Дальнейший качественный скачок немыслим без улучшения учебно-тренировочного процесса, который не везде еще — исключения крайне редки — строится в соответствии с достижениями советской методики тренировки и, что не менее важно, лучших зарубежных специалистов.

Должен сказать, что наиболее интересные формы учебной работы чаще всего рождает практика. Теперь каждому ясно, что для того, чтобы спортсмены быстрее овладели мастерством, следует с самых первых шагов обучения равномерно распределять время для физической, технической и тактической подготовки, не упуская из вида и психологическую. Значение последней трудно переоценить, потому что в соперничестве абсолютно равных успеха добивается тот, у кого в конце концов крепче нервы.

Сами слова «хоккей», «быстрота» и «скорость» — понятия однозначные. Поэтому и тренировки, конечно в разумной мере, должны быть приближенными к обстановке самого матча. И неслучайно в занятиях тех же хоккеистов ЦСКА преобладает так называемый поточный метод, когда каждый игрок, каждое звено повторяют и повторяют основные элементы игры: атакующие — скоростной маневр, открывание, обводку, различного рода передачи шайбы, завершающие броски и добивание шайбы, в том числе и в силовом единоборстве; обороняющие — пресинг и опеку, отбор шайбы и внезапность контратаки при постоянной готовности вести силовую борьбу. И все-таки никакое, самое филигранное мастерство, самая виртуозная техника немыслимы, если хоккеисты не имеют отличной физической подготовленности. Именно атлетизм позволяет хоккеистам ЦСКА от первой до последней минуты матча быть хозяевами положения.

Словом, победа куется еще задолго до выхода на лед. Если продолжить разговор о команде ЦСКА, то ребята уже в середине лета начинали тренировки, не дожидаясь первого официального сбора команды перед очередным сезоном. И делают они это не только потому, что каждый имеет индивидуальный план тренировки. Просто если упустить время, то в дальнейшем ох как нелегко догонять товарищей! А в такой почти всегда равноценной по составу команде, как ЦСКА, подобное отставание вело и подчас приводило к тому, что считавшийся, казалось бы, незаменимым на время, а иногда и надолго вынужден уступать свое место, быть может, и менее способному, но более трудолюбивому спортсмену.

Интенсивные тренировки, причем нередко весьма не похожие одна на другую по форме, но непременно близкие по содержанию, преследующие какую-то определенную цель, стали необходимостью для любого хоккеиста команды. Благодаря такому целенаправленному, сознательному тренингу армейский коллектив из года в год растит ярких мастеров.

Нашу команду всегда считали, да и сейчас еще считают коллективом, исповедующим хоккей агрессивный, наступательный. Характеристика эта в общем-то верная, и я не думаю оспаривать ее. Однако, произнося добрые слова в адрес наших замечательных нападающих — их немало было и есть в коллективе, — нельзя не сказать, что, любя и умея атаковать, мы крепки и в обороне.

Это последнее обстоятельство нередко почему-то упускают из виду — кстати, не только в хоккее. Почему-то принято считать, что игра защитника, даже самого искусного, менее эффективна, нежели форварда, хотя ныне, с резко возросшим мастерством хоккеистов, не сразу различишь, кто атакует ворота, а кто защищает их. Ведь иные защитники по результативности намного опережают нападающих, и это уже перестало кого-либо удивлять.

Ныне успех атаки обеспечивается не только агрессивностью нападающих, но и активной игрой защитников. Мы, к примеру (я говорю о защитниках команды ЦСКА), всегда являлись как бы вторым эшелоном в атаке, надежно подпирали своих форвардов, успевая при малейшей возможности обстрелять ворота.

Потерял шайбу — не разводи руками, не ищи виновных, ошибиться может каждый. А вот упущенных секунд,

Шайба у Николая Сологубова. Это значит — вратарю Николаю Пучкову можно быть спокойным, а нападающим ЦСКА следует занять исходные позиции для контратаки

когда следует восстановить равновесие, перехватить инициативу, бросить партнеров в контратаку, не вернуть.

Был у нас такой негласный закон в команде; с каким бы соперником ни рредстоял матч, всегда стремиться сразу же обрушить на него шквал атак, «открыть огонь из всех орудий». Чаще всего такой натиск приводил в смятение обороняющихся, и, не выдержав его, совершив несколько грубых просчетов, они, по существу, были готовы подписать безоговорочную капитуляцию.

Случалось, конечно, что конкурентам удавалось выстоять первый период, уберечь ворота. Тогда мы переходили к настойчивой, планомерной осаде ворот в последующие периоды.

Не всегда это получалось так быстро, как нам того, естественно, хотелось бы. Усталость в последние минуты матча одинаково беспощадна к соперникам. И вот здесь-то надо уметь собрать в кулак всю свою волю, сконцентрировать всю свою энергию и мастерство. Такое, наверное, испытывают лыжники либо бегуны-марафонцы, когда, пересилив усталость, пудовыми гирями повисшую на

ногах, они обретают «второе дыхание», а с ним и свежие силы.

Очевидно, я не открою ничего нового, сказав, что победа в спорте, и в частности в хоккее, требует от игрока огромного напряжения всех физических и духовных сил. И я, и мои друзья по команде ЦСКА, как, впрочем, и по сборным командам страны, когда это требовалось, выходили на лед и не всегда здоровыми, с новокаиновыми блокадами, забыв о прежних травмах.

Скажут: а нужно ли, в общем-то, подобное «геройство»? Ведь предписание врачей следует неукоснительно выполнять, на то они и врачи!

На первый взгляд все это верно. Но для настоящего спортсмена уже одно сознание того, что коллектив, к которому ты принадлежишь и которому нужна твоя по* мощь, не получит ее, во сто крат хуже, чем самые что ни на есть ноющие боли.

Как бы тяжело ни складывался матч, следует при всех условиях сохранять необходимую выдержанность и дисциплину. Это особенно трудно сделать, когда твоя команда проигрывает, время работает на соперника, а он, ведя в счете, только и ждет финальной сирены. В минуты последнего, решающего штурма очень важно уметь, не ослабляя натиска, не переступить границ правил. Иначе сразу же последует возмездие, и нарушитель отправляется на скамью штрафников, еще более усугубив тяжелое положение своей команды.

Иногда приходится слышать, что, мол, хоккей — это вам не балет. Здесь слабонервным делать нечего. Неверно это!

Я, разумеется, далек от мысли сравнивать спорт с балетом. Для любого сравнения необходимы какие-то общие признаки, присущие сравниваемым предметам и явлениям, У балета и хоккея таких признаков нет. Тем не менее и хоккей, и балет, если мы видим больших мастеров, вызывают у зрителя, в общем-то, одни и те же эмоции: радость от встречи с настоящим искусством. Таким образом, какие-то точки соприкосновения между этими, казалось бы далекими, явлениями найти можно, если, повторяю, речь идет о чистом хоккее.

Наш брат-хоккеист, одетый в специальные доспехи, подчас кажется таким медведем, готовым смести все и вся на своем пути. Поэтому, наверное, рассказ о добро-

души хоккеиста, его товарищеском отношении к недавнему сопернику подчас вызывает известную дозу недоверия. И напрасно.

Оставаясь верными своему клубу, своему спортивному знамени, настоящие спортсмены после финальной сирены становятся самыми закадычными друзьями. Таких примеров можно привести более чем достаточно.

Я уже не говорю о настоящем хоккейном братстве, всегда царившем в нашем армейском коллективе. Это, разумеется, вовсе не значит, что мы не решались высказывать в глаза всю правду. Но слово, как известно, может не только казнить. Сказанное вовремя, с душевной теплотой и искренностью, оно, это слово, подобно целебному бальзаму, врачует самые серьезные травмы.

Помнится, серьезно заболел Володя Елизаров. Наш товарищ почти два сезона не мог выступать. Наверное, излишне говорить, что ребята не оставили его в беде, и в день передач в больницу, где лежал Володя, армейцы приходили в полном составе, принося всевозможных припасов, в основном, конечно, фруктов, столько, что, по мнению дежурной сестры, их хватило бы на две хоккейные команды, включая запасных.

Дело, конечно, не в яблоках и грушах. Мы хотели, чтобы Володя вернулся в строй, и верили в это. И такой момент наступил, «Елизар», как в шутку именовали Володю ребята, занял свое место в основном составе команды. Занял, хотя, наверное, и он сам, и тренеры, и игроки где-то понимали, что до своей лучшей спортивной формы Володе далековато. Однако доверие к нему, как к большому спортсмену и настоящему парню, сделало то, что подчас не могут сделать самые что ни на есть упорные тренировки.

И вскоре любители хоккея снова увидели на льду юркого, верткого форварда, который кометой носился в прямоугольнике площадки, приводя в трепет защитников и вратаря соперников.

Вообще дружба, согласие — это тот цемент, который сплачивает воедино подчас весьма разных по характеру, привычкам, наклонностям спортсменов, способствуя рождению настоящего боееспособного ансамбля. И я убежден, что, не будь такого взаимного уважения, духа настоящего товарищества, наша команда вряд ли смогла бы стать многократным чемпионом страны.

Кстати оказать, подобными качествами, разумеется в разной мере, обладали и замечательные хоккеисты недавнего прошлого, о которых пойдет речь в следующей главе.

ТРОЙКИ, ПАРЫ, ВРАТАРИ

сех вместе их правильнее, конечно, назвать одним словом — друзья. Впрочем, не лишне добавить еще одно — верные друзья.

В самом деле, о каждом из них можно написать и рассказать очень много. Каждый в меру своих сил и способностей внес посильную лепту в создание советской школы хоккея — ныне одной из самых передовых в мире.

Но как среди смелых всегда найдется самый смелый, так и в когорте первых рыцарей нашего хоккея самым знаменитым считается форвард армейской команды Всеволод Бобров. О Боброве говорить и легко и трудно. Легко потому, что будешь называть только хорошее, употребляя эпитеты превосходной степени. Трудно, ибо настоящий талант всегда оригинален, неповторим и, пожалуй, словами не передашь все его многообразие, яркость. Подлинного мастера надобно видеть.

Мне приходилось играть и вместе с Бобровым и против него. И каждый раз я видел вроде был нового Боброва — еще более смелого, хитрого и разнообразного в своем творчестве.

Что делало его таким грозным для защитников и вратарей? Думается, Бобров вобрал в себя все качества — ум, смелость, блестящую технику, хитрость — столь необходимые в спорте. И в русском хоккее, и в футболе Всеволод слыл за большого мастера. Но, конечно, именно игра в шайбу выдвинула его в число спортивных звезд первой величины.

Сколько я помню, Бобров всегда имел хорошую прессу. Правда, иной раз его упрекали в излишнем индиви-

дуализме, забвении командной игры. Но в том-то и дело, что именно его редкое индивидуальное мастерство было главным козырем в действиях нашей первой тройки: Всеволод Бобров, Евгений Бабич и Виктор Шувалов. Бабич, Шувалов, а также Трегубов и я выполняли всю подготовительную работу, делали все для удачного рывка-взрыва Боброва. И, надо сказать, он почти всегда оправдал и наши надежды, и наши коллективные усилия.

Получив шайбу, Всеволод без особого труда объезжал на большой скорости одного-двух соперников, нередко выманивая из ворот и вратаря. Остальное, как говорится, было делом техники.

Многие любители хоккея, очевидно, помнят его короткий, чисто бобровский прием, когда Всеволод, приблизившись к воротам с фланга, заставлял вратаря закрывать ближний угол и, показав, что вот-вот сделает бросок либо передаст шайбу в центр, на пяточок, Виктору Шувалову, мгновенно объезжал ворота и забрасывал шайбу в противоположный угол, куда вратарь чаще всего не успевал переместиться. Что и говорить, это было очень эффектно! Прием всегда вызывал шумные аплодисменты, ликование трибун.

Я тоже не переставал удивляться изумительной выверенности, синхронности «бобровского объезда», хотя, казалось бы, до тонкости знал все его элементы, повторяемые Всеволодом на тренировках сотни раз. И все-таки, не умаляя искусства своего друга, хочу сказать, что такие голы в общем-то лежат на совести вратарей, мастерство которых в те годы было еще невысоким, за исключением разве что Григория Мкртчана и в еще большей степени знаменитого в дальнейшем Николая Пучкова.

Очень сильным хоккеистом, отличным техником и тактиком слыл и Евгений Бабич, неизменный партнер Всеволода Боброва. Наверное, сама природа разыскала их, чтобы поставить рядом на хоккейном поле, и, надо сказать, лучший выбор вряд ли можно было придумать. Каждый настолько хорошо знал, что задумал партнер, что мог не глядя безошибочно выложить шайбу на крюк его клюшки.

Про таких мастеров принято говорить, что они родились в рубашке. Конечно, талант есть талант. Но сколько часов, дней, месяцев длилась их тренировка, прежде чем зритель смог залюбоваться легкой, темповой, остроком-

бинационной игрой Всеволода Боброва и Евгения Бабича!

Групповой портрет этот будет недорисован, если в него не вписать такого оригинального, самобытного игрока, каким был Виктор Шувалов. Виктор играл менее броско и ярко, чем Бобров и Бабич. Он кропотливо, трудолюбивой пчелой готовил контратаку, активно помогал защитникам, успевая в нужный момент оказаться на пятке перед воротами. У него было изумительное чувство голевой позиции, всегда предельно острое. А шуваловского броска-щелчка вратари боялись пуше огня. Словом, это был достойный партнер первым двум, а все вместе они составляли чудесный сплав высокого спортивного мастерства и настоящей мужской дружбы. Такова была эта тройка, игравшая почти всегда на пятерку!

Вообще как-то неудобно говорить в прошедшем времени о здоровых, крепких людях, бывших кумирами трибун. Но что поделать, жизнь идет вперед, на смену именитым ветеранам приходят молодые игроки. И все-таки сколько бы ни прошло лет, лично я никогда не смогу представить пожилым человеком моего бессменного напарника по обороне Ивана Трегубова. С чьей-то легкой журналистской руки его начали было величать в зарубежной прессе Иваном Грозным. Что ж, Трегубов действительно был грозой нападающих, но мы, товарищи и друзья, всегда звали и зовем его просто Ваня.

Я не знал спортсмена более выносливого, нежели мой товарищ, и когда про него говорили, что у него как минимум два сердца, то это, для меня по крайней мере, никогда не звучало неправдой. Прибавьте теперь к изумительной физической выносливости, громадной силе тонкость и остроту так называемого игрового мышления, безудержную, подчас чересчур залихватскую смелость, пушечный бросок («Трегубов может броском отрубить ногу», — говорили о нем) — и перед вами предстанет почти непреходимый защитник.

Сумей Трегубов сдерживать свой игровой темперамент, неумную спортивную злость — лучшего мастера обороны трудно было бы сыскать. К сожалению, Ване нередко мешало отсутствие хладнокровия, спокойствия, а подчас и трезвого расчета. Замечу попутно, что Иван Трегубов дважды удостоивался звания лучшего защитника мировых чемпионатов. Такого же звания, только на

Быстротечны минуты отдыха отыгравшей хоккейной смены. Но разве можно оставаться спокойными, когда в ледяном прямом угольнике продолжают «бой» твои товарищи!

раз больше, устаивался и автор этих строк. Пишу об этом без ложной скромности. И я, и Трегубов гордимся таким признанием, целиком относя его на счет всего нашего хоккея, как и удостоенные в разные годы титулов лучших игроков мировых чемпионатов Всеволод Бобров, Борис Майоров, Эдуард Иванов и Николай Пучков.

Согласно хоккейной иерархии, я бы должен был начать разговор о мастерах прошлых лет с наших первых вратарей, но, я думаю, ни Григорий Мкртчян, ни Николай Пучков не обидятся на меня. Как и все игроки, выступавшие в поле, на площадке, я также считаю, что хороший вратарь — это половина команды и, пожалуй, половина (даже больше!) успеха.

Так вот, забегаю вперед, скажу, что и Григорий Мкртчян, и Николай Пучков могут с полным правом быть названы хорошими вратарями, а Николай Пучков

на одном из мировых чемпионатов был признан лучшим вратарем мирового хоккея!

«Мужичок с ноготок», крепыш Гриша Мкртчян оказался искусным ледовым бойцом. Он великолепно разбирался в действиях каждого полевого игрока, отлично выбирал место в воротах, был смел и расчетлив.

В дальнейшем я встречал вратарей, особенно за рубежом, с более быстрой реакцией, но редко кто из них превосходил Гришу в знании всех тонкостей игры. Я не погрешу против истины, сказав, что на первом этапе развития хоккея с шайбой у нас в стране Григорий Мкртчян был, несомненно, сильнейшим стражем ворот. А его опыт, незаурядное мастерство были теми дрожжами, на которых поднялся яркий, самобытный талант его одноclubника и преемника Николая Пучкова.

Давая столь лестную оценку обоим этим мастерам, Я отнюдь не склонен считать их абсолютно непогрешимыми. «Сухих» вратарей, особенно в хоккее, не было, нет и быть не может, ибо совершенно невозможно (разве что попадут в тебя) преградить путь шайбе, пробитой с двух-трех метров. Напомню, что шайба, брошенная с любой точки площадки, может стремительно влететь в ворота. Поэтому, согласитесь, хоккейный вратарь должен ни на секунду не выпускать из поля зрения все происходящее на площадке, должен брать под контроль любой, на первый взгляд самый безобидный маневр соперников.

Я дважды написал слово «должен», будто процитировал страницу хоккейного учебника, тогда как все обстоит много проще. Мне следовало бы просто сказать: тот, кто хочет стать хорошим вратарем, пусть делает то, что и Николай Пучков.

А делал он вот что. Стоило мне или Трегубову увлечься атакой и выпустить из-под контроля кого-либо из подопечных, как за нашей спиной раздавался голос Пучкова.

— Коля, назад! Ваня, игрок выходит за спину!

Пучков загодя, за два-три хода, разгадывал комбинации соперников, принимал необходимые контрмеры сам и сигнализировал о возможной опасности нам, защитникам.

В команде его считали фанатиком хоккея. Я бы его еще назвал однолюбом, верности которого могли бы позавидовать иные влюбленные. «Пучка», как иногда на-

Это очень опасно, когда твой вратарь остаётся один на один с таким грозным форвардом, каким сыл в мировом хоккее знаменитый швед Свен Юханссон — Тумба. К счастью, шайба миновала ворота

зывали его ребята, можно было разбудить ночью и вместо обычного «Который час? Пора вставать, что ли?» услышать какой-либо вопрос, связанный так или иначе с хоккеем.

Бывало, накатаешься, клюшка из рук валится, а Пучков просит:

— Побросай еще!

И «бомбишь» его с различных расстояний, посылаешь шайбу на разной высоте по углам ворот и не перестаешь удивляться, как не устает он встать из шпагата, отбить коньком шайбу и тотчас парировать удар в противоположный угол! А когда оба, будто выжатые лимоны, идем в раздевалку, мой тезка продолжает увлеченно разбирать все плюсы и минусы только что наигранной мною и партнерами комбинации, предлагая завтра же попробовать новый тактический ход.

Такая неумность, ежедневное творческое горение перенапрягали нервы нашего вратаря и, случалось, приводили к досадным промахам, к счастью редким. Уже одно присутствие в воротах Николая Пучкова вносило в наши ряды дополнительную дозу уверенности и, напротив, сковывало самых агрессивных соперников.

В любое время года Пучков не расставался с теннисным мячом, который носил в кармане. Мяч служил ему походной шайбой. Его можно было бросить в стенку под нужным углом, с различной силой и в прыжке поймать; можно было сжимать, как ручной эспандер. Даже в нашей команде, где тренировались много и, как правило, охотно, ребята не переставали удивляться трудолюбию Николая. А когда кто-либо из нас, особенно защитников, допускал просчеты, то хотелось как можно скорее исправить ошибку, искупить свою вину перед вратарем. Мы не говорили ему спасибо за то, что он сумел спасти ворота от верного, казалось бы, гола. Мы подбегали к Николаю и легким ударом клюшек о его щитки-краги (такова хоккейная традиция) выражали ему свою благодарность. Игра Пучкова долгое время была, да, пожалуй, и ныне остается образцом, эталоном высокого вратарского искусства.

Николай сейчас тренирует хоккеистов ленинградского СКА и за сравнительно короткий срок сумел создать боеспособный коллектив. Пока, конечно, рановато говорить о достижениях Пучкова-тренера. Но если молодые

спортсмены хотя бы наполовину унаследуют от своего наставника преданность хоккею, его упорство и трудолюбие — успех не замедлит явиться к ним. Лично я верю в педагогические способности своего старого товарища и надеюсь вскоре увидеть в воротах его «двойника» — молодого вратаря, воспитанного в лучших традициях пучковской школы. Кстати, нашему хоккею как воздух необходимы специализированные отделения при командах мастеров, где бы лучшие в прошлом вратари занимались подготовкой смены. Уверен, без такой целенаправленной работы нам не воспитать будущих Мкртчанов и Пучковых.

Для того чтобы закончить портретную галерею хоккеистов нашей команды, не могу не рассказать о следующем поколении игроков ЦСКА. Некоторые из них уже постепенно переходят на тренерскую работу, другие еще выступают в соревнованиях.

Согласитесь, это большой соблазн самому забросить шайбу и, как иногда пишут в газетных отчетах, стать автором гола. Когда за воротами вспыхивает красный свет, трибуны взрываются аплодисментами. Ключка счастливого бомбардира приветственно взлетает вверх, готовая вырваться из рук своего хозяина, которого уже обнимают, целуют товарищи.

Так вот, за последние годы в первой тройке ЦСКА такое счастье, пожалуй, чаще всего выпадало на долю правого крайнего Константина Локтева. Он устаивался дружеских объятий даже тогда, когда шайба врезалась в сетку ворот не после его броска. Если бы мастерство нападающего определялось суммой очков, полученных им и за заброшенные шайбы и за точные передачи (так, кстати, выявляют лучшего нападающего на чемпионатах мира), уверен: пальма первенства досталась бы Локтеву, этому «мозговому центру» нападающих ЦСКА.

Я не боюсь перехвалить своего товарища (мы выступали вместе добрый десяток лет и в ЦСКА и в сборной команде страны). Настоящему мастеру — а Локтев именно таков — комплименты не кружат голову. Смелый, мужественный хоккеист, великолепно владеющий богатым набором технических приемов, тонкий тактик — таков заслуженный мастер спорта Константин Локтев. Его путь в большой хоккей был нелегким. То ли сказывалась робость новичка, то ли Костя недооценивал свои силы.

Во всяком случае, он не сразу вписался в наш ансамбль. Но зато когда это в конце концов удалось ему, Локтев заиграл легко, свободно, ярко.

На первых порах, правда, избыток природного мужества нет-пет да и перехлестывал через край, и тогда приходилось отпрапляться ему на скамью штрафников, остыть и прийти в себя. Но так бывало с Локтевым-новобранцем. Впоследствии же (за исключением одного случая, когда он переступил допустимые границы силового единоборства) Костя всегда являл собой пример образцового поведения на площадке.

Словом, Локтев остается признанным лидером нападающих ЦСКА, команды, в которой всегда было да и сейчас есть немало игроков яркой индивидуальности.

Одним из таких виртуозов следует назвать долголетнего партнера Локтева Вениамина Александрова. Когда мысленно воссоздаешь манеру его игры, не знаешь, что Вене удастся лучше: красивая, темповая, почти без отклонений в стороны обводка либо быстрый, четкий бросок. Игра Александрова всегда имела немало приверженцев, как, впрочем, и достаточное число критиков.

Как и любой из нас, его товарищей, Вениамин мог кому-то нравиться или не нравиться — о вкусах, как известно, не спорят. Но его появление на площадке никого никогда не оставляло равнодушным. А такое постоянное внимание трибун — один из факторов признания даровитости спортсмена, его таланта.

Мне нередко приходилось слышать и читать о том, что, мол, будь Александров смелее, мужественнее, не уклоняйся он от силовой борьбы — более искусного мастера хоккея трудно себе представить. Что можно ответить на это?

Скажу, что думать так об Александрове-хоккеисте — это значит, мягко говоря, не разбираться в тонкостях хоккея. Да, конечно, Вениамин — игрок не таранного типа. Я бы причислил его к категории мастеров позиционной атаки. Их оружие — блестящая обводка, стремительный скоростной маневр, выход на острую голевую позицию, откуда можно почти со стопроцентной вероятностью поразить цель. И когда Вениамину удавалось «поймать свою игру», он буквально творил чудеса, демонстрируя великолепное, чисто бобровское, индивидуальное мастерство. Бывало, правда, и такое, когда, увлекшись нападе-

нием, Александров забывал о партнерах, стремясь единолично взять ворота. Здесь примечательно, что поначалу все просьбы товарищей: «Веня, я открылся!» — чаще всего оставались гласом вопиющего в пустыне. И только через год-два после своего дебюта Александров научился сдерживать свой игровой темперамент.

Очень удачно вошел в это отличное трио мастеров Александр Альметов. Не берусь называть точную цифру заброшенных им шайб — это удел спортивных статистиков, — скажу лишь, что мне редко приходилось встречать хоккеиста, столь заряженного на атаку, стремящегося во что бы то ни стало забить гол. Альметов умеет в хоккее все. Он великолепно играет в пас, с полувзгляда понимает партнера, а его броски, особенно кистевой бросок-щелчок, по достоинству оценили вратари.

О «стреляющей клюшке» Альметова немало писали за рубежом. Журналисты акцентировали внимание тренеров и публики на советском «игроке-катапульте». И надо сказать, предупреждения эти были не лишни!

Я ничего пока не сказал о своих друзьях по команде, кстати, тоже защитниках — Дмитрие Уколове, Генрихе Сидоренкове и о некоторых других. Все они были и остаются в моей памяти, как, наверное, и в памяти любителей хоккея, отличными мастерами, оставившими заметный след в развитии и армейского и, что особенно важно, всего отечественного хоккея.

Однако не только игроками ЦСКА силен советский хоккей. Листая страницы его совсем еще небольшой (все-го двадцать лет) истории, не пройдешь мимо имен таких первоклассных мастеров, какими останутся в нашей памяти отличные форварды московского «Спартака» Иван Новиков, Зденек Зигмунд, защитник столичного «Динамо», а затем команды ВВС, Борис Бочарников, рижане М. Мелупс и Р. Шульманис (первый — вратарь, второй — защитник). Все они и еще несколько отличных мастеров играли впоследствии в команде Военно-Воздушных Сил и погибли в авиационной катастрофе.

Яркими хоккеистами были защитник московской команды «Крылья Советов» Альфред Кучевский, нападающий Александр Гурышев. Своей способностью поражать цель Гурышев во многом напоминал Виктора Шувалова. На этом, однако, их сходство и кончилось. Потому что, забрасывая шайбы, Шувалов, как я уже говорил,

выполнял и очень большую подготовительную работу, активно помогал защитникам. Гурышев же в основном отлично открывался и выбирал место на пяточке перед воротами, выжидая, когда его партнер на фланге — очень быстрый и технически сильный Николай Хлыстов — прорвет оборону и передаст шайбу в центр. Вот тут-то, если Гурышеву не успевали помешать, шайба пулей врзалась в сетку ворот!

К сожалению, Алексей даже в свои лучшие хоккейные годы бывал на площадке несколько вяловат. Это не выглядело бы недостатком, если бы подобная манера игры являлась своеобразной маскировкой, за которой в любой момент мог последовать мощный рывок к воротам (именно так играл в футболе непревзойденный Григорий Федотов). Гурышев же чаще всего действовал прямолинейно, в лоб, не скрывая своих истинных намерений. Ситуация на поле резко изменялась, а он упорно продолжал выполнять ранее намеченный план, хотя защитники уже успели принять необходимые контрмеры. Именно такая негибкость облегчала задачу его сторожа, если он был достаточно опытным. Во всяком случае — да извинит меня читатель и, надеюсь, не обидится Алексей, — мне не составляло особого труда сдерживать его наступательный порыв. Бывало, конечно, и я оказывался обыгранным, однако общий итог наших дуэлей, как мне кажется, в мою пользу. Тем не менее все сказанное несколько не умаляет заслуг Гурышева перед отечественным хоккеем, которому он отдал лучшие годы.

Из защитников всегда обращает на себя внимание московский динамовец Виталий Давыдов. Таких, как он, обычно называют аккуратными хоккеистами. Они подчас, сами того не замечая, думают лишь о своей игре, пренебрегая действиями всей команды. Вроде бы Давыдов все делает правильно, не совершает грубых промахов (этим он, очевидно, и запоминался зрителю). Однако, попав в трудную ситуацию, он нередко, дабы застраховать себя от возможной ошибки, отдает шайбу партнеру, не считаясь с тем, что тот находится в еще более худшем положении.

Тем не менее хороший отбор шайбы, умение выбрать хорошую позицию позволяют динамовскому защитнику показывать довольно стабильную игру. А эти качества особенно необходимы для игрока сборной команды стра-

ны. В последние годы Виталий неизменно входит в ее состав.

Мне особенно приятно писать о Викторе Якушеве из московского «Локомотива» — хоккеисте, как говорится, божью милостью. Право же, я всегда с большим удовольствием играл с ним в сборной команде, нежели в чемпионатах, где он в каждом матче не уставал ставить перед собой трудновыполнимые задачи. Хитрющий игрок, способный в мгновение ока задумать и осуществить на первый взгляд простую, но единственно верную в сложившейся ситуации комбинацию. Подобная изобретательность в средствах атаки — одно из ярких проявлений высококлассного форварда, а Виктор к тому же — хоккеист-универсал. Его умению играть в обороне могут позавидовать иные защитники. Но, пожалуй, наиболее яркая, заметная черточка его хоккейной натуры — это удивительное самообладание, неуемная жажда гола, победы во что бы то ни стало! Этот порыв даже в явно проигранном матче всегда заражает заметное уставших партнеров, бросает их на новый приступ врат.

Помнится, немало разговоров, самых противоречивых толков и суждений вызвало появление на хоккейном горизонте весьма популярной тройки нападающих московского «Спартака» — братьев Бориса и Евгения Майоровых и Вячеслава Старшинова. Все они на первых порах резко выделялись среди остальных спартаковских игроков и, очевидно, именно поэтому сразу оказались в центре внимания зрителей и прессы.

Столь заметная разница в классе между этим и остальными звеньями, как это ни покажется парадоксальным, скорее мешала, чем помогала спартаковской команде. Дело в том, что соперники «Спартака» сосредоточивали свои главные силы против звена Старшинова. Оно много чаще, чем другие, находилось на льду, быстрее уставало, а не восстановивший силы игрок — уже наполовину небоеспособный.

Каждый в этой тройке является весьма ярким хоккеистом, у кого молодым игрокам есть чему поучиться. Манеру игры Бориса Майорова нередко сравнивают с бобровской. Думается, такое сравнение если и правомерно, то лишь в небольшой степени. И главным образом потому, что хоккей нынешний и хоккей даже последних лет — это далеко не одно и то же. Возросшие скорости, частое

применение силовых приемов и ряд других факторов требуют от хоккеиста весьма разнообразной подготовки. Поэтому, если уж идти по пути сравнения отдельных мастеров, то руководствоваться следует, по-моему, качеством и блеском выполнения отдельных технических приемов, например обводки. Но и этот критерий в общем-то не лишен недостатков, ибо, повторяю, условия борьбы стали ныне совсем иными.

Если же все-таки попытаться выяснить, кто, например, был лучшим дриблером (лучше всего владел искусством обводки)—Всеволод Бобров или Борис Майоров, то, признавая высокое индивидуальное мастерство обоих, я бы все же отдал предпочтение Боброву.

Борис Майоров особенно виртуозно держит шайбу в углах площадки, откуда обычно дает очень точный и острый пас Вячеславу Старшинову. А роднит Бориса Майорова и Всеволода Боброва то, что и тот и другой стремятся поразить ворота лишь тогда, когда для этого созданы (либо они создали их сами) стопроцентные условия.

Несколько уступал Борису Майорову (впрочем, разве что на первых порах) в блеске индивидуального мастерства Вячеслав Старшинов, хоккеист удивительной работоспособности, выносливости и большого тактического мастерства. Старшинов беспредельно смел, а сильнейшие броски снискали ему славу одного из самых результативных форвардов нашего хоккея.

Все умеет делать хорошо, добротнo и Евгений Майоров, и будь он похладнокровнее, мог бы играть намного лучше.

В дальнейшем Евгений начал играть в другом звене, а его место занял Евгений Зимин, довольно быстро вписавшийся в состав первой тройки спартаковцев. Многие любители хоккея, особенно приверженцы «Спартака», начали было сетовать на тренера за то, что он видоизменил старшиновское звено. Не берусь ставить под сомнение решение Всеволода Боброва, тем более что на его месте я поступил бы точно так же.

Дело в том, что по разным причинам, но все же и Борис Майоров, и Вячеслав Старшинов ушли в своем мастерстве намного вперед Евгения, и он стал выпадать из ансамбля. А в сыгранном звене такой разнoбой сразу сказывается на выступлении всей тройки.

Таков далеко не полный перечень советских хоккейных звезд. Понимаю, что список этот в известной мере носит чисто субъективный характер. Но все же я стремился не пропустить ни одного сколько-нибудь заметного мастера, чей опыт мог бы пригодиться нашей молодежи,

ЗНАКОМСТВО С КАНАДЦАМИ

фотографии смотрят сильные, мужественные лица. На многих — наклейки, скрывающие шрамы, следы жарких ледовых сражений. Некоронованные короли хоккея улыбаются, позируя в объективы фото- и кинокамер.

«Эти парни не умеют проигрывать», — написано под цветной обложкой журнала.

Что ж, взглянув на канадцев «крупным планом» (то было на мировом первенстве 1955 года, проводившемся в западногерманских городах Крефельде, Дюссельдорфе и Дортмунде), я убедился в том, что короли хоккея, о которых я столько слышал и с которыми мечтал встретиться лицом к лицу, настроены по-боевому и, по-видимому, твердо решили во что бы то ни стало возратить мировую корону, вырванную из их рук на предыдущем чемпионате сборной командой СССР. Напомню, что тогда, в 1954 году, советским хоккеистам удалось нанести сокрушительное поражение канадцам, забросив семь (!) и пропустив всего лишь две шайбы.

И теперь предстоял новый, еще более бескомпромиссный бой. Забегая вперед, напомню, что на этом чемпионате, как, впрочем, и на последующих, турнирный график свел фаворитов в последнем матче, который, как правило, бывает решающим для определения чемпиона мира.

С тех пор прошло много лет, а я четко, словно **то было** вчера, помню мельчайшие подробности этого матча. Предстартовая лихорадка захватила не **только** меня.

А тут еще соперники решили прибегнуть к «психической атаке». Незадолго до выхода на лед канадцы вдруг усомнились в размерах клюшки Всеволода Боброва, заявив, что длина крюка его клюшки не соответствует принятым стандартам.

Пришлось прибегнуть к промерам. У Всеволода крюк клюшки действительно был несколько длиннее, чем следовало, однако по ширине он вполне соответствовал норме и свободно проходил через контрольное кольцо. Помнится, за те минуты, что ушли па эту операцию, я был уже мокр, как мышонок, благополучно улизнувший от кошки.

Как мы и ожидали, с первым же свистком наши соперники начали жесткую силовую борьбу. Канадцы оставались канадцами в матчах с любым конкурентом (я внимательно следил за их встречами со сборными Швеции, Чехословакии и США), но атаки, которые они обрушили на нас, превосходили по своей настойчивости, напору, спортивному азарту, нередко, правда, граничащему с дракой, все виденное мною ранее.

Еще до встречи с ними в игровой обстановке я заметил характерную особенность канадских хоккеистов: у них почти каждому отбору шайбы непременно предшествует победа в силовом единоборстве, а его они не перестают навязывают. Заметив, что соперник побаивается и стремится уклониться от борьбы, канадец постарается повторными приемами окончательно деморализовать его. А против нерешительного хоккеиста, не говоря уже о трусливом, играть нетрудно.

Представьте себе на минутку несущихся вам навстречу двух здоровенных парней с поредевшими от хоккейных драк зубами, лицами, испещренными шрамами. Казалось, знаменитые канадские звезды братья Уорвик сорвались с журнальной обложки, чтобы своей силой и мощью раздавить незнакомого им Николая Сологубова и его товарищей.

Не знаю, они ли были запечатлены в знакомом мне зарубежном издании, но хорошо помню, что поначалу я, как, наверно, и мои партнеры по обороне, несколько растерялся. Но так было недолго. Вскоре мы дали понять канадцам, что тоже можем применять силовые приемы, ловить игрока на бедро. То было отнюдь не безболезненный обмен любезностями. Но разве может быть иначе,

когда коса найдет на камень? Слишком напряженно складывался поединок, остра была конкуренция и великое желание победить, чтобы считать синяки и шишки, к коим хоккеистам в общем-то не привыкать.

Канадцы сразу же пустили в ход свое испытанное оружие — тактику давления. Игра складывалась так, как и предвидел наш тренер Аркадий Иванович Чернышев:

— Запомните, поначалу нам придется выдержать сильнейший натиск. Это будет даже не буря. Готовьтесь встретить шквал...

Что же противопоставить канадскому шкавалу?

По общему мнению тренеров и наиболее опытных хоккеистов, одним из противодий могла стать игра на контратаках. Задумка, как выяснилось в самом матче, была верной, и, действуй наши форварды Валентин Кузин и Александр Уваров более решительно и быстро, сборная СССР уже в первом периоде могла бы вести 2 : 0. К сожалению, постепенно чаша весов склонялась в пользу наших соперников. Нет, мы не думали выбрасывать белый флаг и капитулировать. Все ребята сражались с полной отдачей сил. Однако не уступая канадцам в энтузиазме, я бы сказал — в игровом героизме, мы в то же время не могли должным образом конкурировать с ними в выполнении сложных технических приемов, таких, как удар-щелчок, кистевой бросок, и, конечно же, в силовом единоборстве.

Я уже говорил, что, когда канадцы, желая припугнуть нас, выходили за рамки правил, мы старались не оставаться в долгу. Однако никто из нас не обижался, если в результате искусно примененного приема вдруг оказывался на льду. Матч этот сборная СССР проиграла 0 : 5. Как ни горько это поражение, уверен, оно стоило иных легких побед. Проигрыв сильнеешему, если, разумеется, извлечь пользу из встречи с ним, — хорошая школа спортивного мастерства. А нашему хоккею, несмотря на великолепную победу в 1954 году, было еще чему учиться у заокеанских мастеров.

Я, например, и до встречи с канадцами искал и пробо-вал приемы силовой борьбы. Готовясь к отбору шайбы, сближался с соперником, толкая его плечом. Но в этом случае весь мой замысел, вся подготовка к приему были настолько очевидны, что нападающему не составляло большого труда принять контрмеры. Разгадать же наме-

рения канадского защитника форварду трудно. Пристроившись рядом с нападающим и уловив момент, когда внимание соперника целиком сосредоточено на шайбе, защитник, резко выдвинув бедро, лишает его равновесия и здесь же овладевает шайбой.

Этот и некоторые другие технические элементы, столь хорошо выполняемые канадцами, постепенно стали достоянием игроков ведущих советских команд. Каждый новый сезон был сезоном дальнейших поисков. Взяв все лучшее из любительского хоккея Канады, изучив опыт сборных команд Чехословакии и Швеции, советские спортсмены заметно укрепили свои позиции в мировом хоккее. А спустя несколько лет зарубежные специалисты, приезжая к нам в гости, непременно брали с собой узкоплечные кинокамеры. Действия лучших мастеров советского хоккея запечатлевались на пленку. Наш опыт становился предметом пристального изучения. Факт этот, сам по себе весьма отрадный, говорил о том, что останавливаться на достигнутом нельзя, потому что догонять всегда труднее и отстающих всегда бьют.

То было время (пятидесятые годы), когда в мировом любительском хоккее начиналась переоценка ценностей. Это особенно бросалось в глаза в действиях хоккеистов Чехословакии и Швеции, заметно прибавивших в скорости бега на коньках, или, как принято говорить у хоккеистов, в скоростном катании.

Таким образом, главный козырь наших хоккеистов — скорость — был бит. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Так оно и должно было случиться, ибо каждая новая встреча соперников, чье мастерство, несмотря на определенное различие в деталях, становилось все более равным, каждый раз давала обильную пищу для размышлений тренерам и игрокам. Подобное взаимопроникновение различных школ и стилей хоккея, конечно же, обогащало игру, сделав ее еще более зрелищной. В дальнейшем перестали быть исключительно привилегией канадцев силовые приемы, ловля шайбы на себя и другие компоненты техники хоккея.

Но, повторяю, то было не бездумное, слепое копирование действий сильнейшего соперника. Так, например, при ловле шайбы на себя, требующей немалого мужества (вспомните, с какой скоростью летит резиновый кругляк), мы и канадцы выполняли по-разному.

Канадский защитник в таких случаях опускается на оба колена, тогда как наш — на одно. Нетрудно догадаться, что ученики — тогда ими были мы — поступали в создавшейся ситуации гораздо правильнее, ибо занявшего статическую позицию канадца легко было объехать, тогда как наш защитник всегда мог быстро принять стартовое положение и вступить в борьбу.

Советский хоккей постепенно расставался с детскими штанишками, мужал и креп.

В 1956 году сборной команде СССР по хоккею, так же как и представителям других зимних видов спорта, впервые предстояло принять участие в зимних олимпийских играх или, как их принято называть, Белых олимпиадах. Арена ледовых сражений находилась в итальянских Альпах, в местечке Кортина д'Ампеццо, расположенном на высоте 1200 метров над уровнем моря.

К такой высоте привычны разве что альпинисты. Поэтому не случайно хоккеисты сборной команды СССР решили готовиться к олимпийскому турниру на Кавказе, в Домбайской долине, находящейся примерно на такой же высоте. Играть по соседству с орлами поначалу, скажем прямо, было не так-то просто. Акклиматизация наступила на 14—15-й день. Зато потом дышать стало много легче, а оказавшись в обычных условиях, на равнине, почти все игроки сборной смогли тренироваться почти вдвое больше и интенсивнее. Знакомство с условиями высокогорья оказалось неопределимым в ходе самого турнира.

В Кортине д'Ампеццо нам сразу же в какой-то степени повезло. Волею случая наше местожительство оказалось, что называется, на самой верхотуре. Это было как нельзя кстати, потому что, во-первых, мы попали в почти кавказскую обстановку и хотя с определенным перерывом, но продолжили процесс дальнейшей акклиматизации, а во-вторых, как шутили наши острошловы, самое нахождение до чемпионата выше канадцев было верным признаком того, что и в турнирной таблице нам уготовано место выше.

Шутки шутками, а удачное решение проблемы акклиматизации оказалось не последним фактором, позволившим советской команде выступать на всем протяжении турнира, не испытывая кислородного голодания, чего, пожалуй, не скажешь о других, и в частности, о тех же

канадцах. Все же, по общему мнению хоккейных авторитетов и многочисленных спортивных обозревателей, сборная Канады, а также команда СССР оставались основными претендентами на главный приз.

Начало турнира совпало с прогнозом. Но, как нередко случается, не обошлось без сюрприза, причем преподнесла его команда, шансы которой в канун игр расценивались, прямо скажем, невысоко. Вряд ли кто-либо серьезно рассматривал хоккеистов США как вероятных конкурентов канадцам, спортсменам СССР, Чехословакии и Швеции. Но именно американцы оказались в роли возмутителей спокойствия. Красиво и уверенно победив чехов и шведов, они не посчитались и с монополистами хоккейной славы, заставив канадцев испытать горечь поражения — 1:4!! В воздухе, как говорится, запахло сенсацией. Почувствовав вкус победы, хоккеисты США стремились во что бы то ни стало развить успех и в матче со сборной командой СССР.

Это очень нелегко играть против соперника, окрыленного серией весомых побед, среди которых значилась победа и над самими канадцами! И тем не менее мы этот труднейший матч выиграли со счетом 4:0! Я пишу «труднейший», ибо он действительно был таким, не смотря на довольно внушительное свое цифровое выражение.

И все-таки главное испытание — матч с канадцами — было впереди. Его ждали, к нему обе стороны готовились особенно тщательно, прекрасно сознавая его принципиальное значение. Дело в том, что в двух предыдущих встречах между собой соперники одержали по одной победе, а общий итог забитых и пропущенных шайб оказался также равным — 7:7.

Надо ли говорить, какими были температура, накал матча, от исхода которого зависело, кому быть победителями Олимпиады, чемпионами мира, а в случаях нашей победы — и Европы!

Не стану описывать все перипетии этого поединка. Он был таким, каким и должен быть спор достойных соперников. Замечу лишь, что никогда ранее лично мне не приходилось действовать на площадке в столь головокружительном темпе. Казалось, все мы соревновались в скорости бега с секундной стрелкой, неумотимо отсчитывающей время «хоккейного часа», то бишь трех периодов

Вот она игра на опережение! Чуть-чуть опоздал форвард сборной США к шайбе, и этого секундного промедления оказалось достаточно Николаю Сологубову, чтобы ликвидировать опасный момент

борьбы, всю остроту которой, право же, нелегко передать словами.

— Вперед! Вперед! — не устал повторять своим игрокам тренер канадцев Боб Бауэр.

— Смена! — в унисон коллеге восклицал Аркадий Чернышев, вводя в бой свежие резервы.

Во втором периоде темп несколько спал. Усилия, затраченные канадцами в первой трети матча, не прошли для них бесследно. Они явно устали, чего нельзя было сказать о наших ребятах, сохранивших силы для настойчивых контратак.

Канадцы подолгу держат шайбу, стремясь сбить темп, ввести игру в более спокойное для себя русло. Мы же, почувствовав, что соперник несколько сник, усилили и без того быстрые атаки.

Вскоре комбинация Александр Уваров — Юрий Крылов заканчивается мощным броском последнего. Трибуны бурно реагируют на наш успех, и в разноголосье публики все явственнее слышится: «Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!» — боевой клич наших болельщиков, советских туристов!

Те советские люди, кому доводилось находиться далеко от нашей Родины, надо полагать, поймут наше состояние, когда мы, игроки, почувствовали бурную поддержку земляков.

Перерыв между вторым и третьим периодами продлился более... тридцати минут. Случай, наверное, беспрецедентный в истории международных турниров такого масштаба. Однако, как выяснилось впоследствии, все объяснялось проще простого.

Желая растянуть и без того затянувшийся тайм-аут, он был вызван, как объяснили руководители канадской команды, неудовлетворительным состоянием льда, который нуждался в какой-то особой полировке. Наши соперники настояли на том, чтобы администрация катка заново залила лед. И- вот, видимо опасаясь скандала, руководители состязаний уступают канадцам, а публика, наблюдая за тем, как работники катка приступают к заливке льда, начала улюлюкать. Но отдых не помог канадцам исправить положение.

В последней двадцатиминутке Валентин Кузин с подачи Александра Уварова забрасывает вторую шайбу и, как выразился один канадский журналист, «наглухо заколачивает крышку гроба с телами его соотечественников».

2:0! Победа!

Советские хоккеисты впервые становятся «трижды венчанными», завоевав звания олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы.

ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА ЧЕМПИОНА...

спорте издавна бытует афоризм, с годами приобретший силу и бескомпромиссность аксиомы. Так и говорится: «Легче завоевать чемпионский титул, чем удержать его».

В истинности этих слов советским хоккеистам пришлось убедиться в ходе розыгрыша следующего мирового первенства, которое в 1957 году состоялось в Москве.

Тогда, напомним, советские хоккеисты, не проиграв ни одного матча, но сделав на одну ничью больше, чем сборная команда Швеции, уступили ей титул чемпионов мира и Европы. Уступили, несмотря на поддержку родных стен, на отсутствие в первенстве канадских и американских хоккеистов.

Об этом не очень приятно, больше того — горько писать... Но, право же, лучше сейчас, пусть и спустя добрый десяток лет, посмотреть правде в глаза, трезво и спокойно разобраться в случившемся, чем оставить необъясненной эту не совсем удачную строку в истории отечественного хоккея, хотя и второе место в мировом и европейском первенстве, конечно, следует расценивать как успех.

Я постараюсь быть предельно объективным и откровенным. Возможно, то, о чем я скажу, будет по-разному воспринято кое-кем из моих коллег по сборным командам СССР тех лет и ее наставником Аркадием Ивановичем Чернышевым. Тем не менее я бы никогда не простил себе молчания и как хоккеист, бывший немало лет капитаном сборной, и как спортсмен, всегда ценивший педагогическое мастерство Аркадия Ивановича, его отзывчивость и истинно отеческую заботу об игроках, какому бы клубу они ни принадлежали.

К моему глубокому сожалению — впрочем, очевидно, не только моему, — в неудаче, постигшей тогда нашу команду, в значительной степени повинен наш многоопытный тренер. Конечно, на льду вели борьбу мы, игроки, и вели ее, наверное, по неплохому плану, который

Вторая ступенька пьедестала почета, конечно, не первая. Но ничего не поделаешь, спорт есть спорт, и на этот раз надо поздравить с завоеванием звания чемпионов мира и Европы капитана сборной команды Швеции Ларса Бьерна

если и мог быть лучшим, все же вряд ли помог делу. И только потому, что, уверовав в нашу окончательную победу — мы шли без поражений, сделал лишь одну ничью со сборной командой Чехословакии, — Аркадий Иванович решил последний матч со шведами провести составом игроков, мягко говоря, не отвечающим серьезности и ответственности поединка.

Советская сборная, как известно, его не проиграла. Однако счет 4:4 оказался для шведов поистине победным, золотым, тогда как нам пришлось довольствоваться серебряными медалями.

Да, в «битве» со шведами не мог из-за травмы участвовать Всеволод Бобров. Было и несколько других, быть может немаловажных, причин, заставивших надолго задуматься тренера. И все-таки я до сих пор не могу понять, почему был введен в состав жаловавшийся на радикулит Павел Жибуртович, тогда как на скамье запасных сидел и, что называется, рвался в бой сильный защитник Дмитрий Уколов. Не верилось, что тренер отдал предпочтение первому лишь потому, что тот был хоккеист его, динамовской, команды. Но, право же, другого объяснения тогда, да и, признаться, сейчас я, как ни стараюсь, найти не могу.

Помнится, вскоре после начала матча я заметил, что Павел играл не так, как всегда. Было понятно его большое желание участвовать в финальном поединке. Однако болевые ощущения, которые испытывал наш товарищ, давали себя знать, и на поле действовал не сильный, опытный защитник Жибуртович, а тень его.

Надо ли говорить, что с оглядкой на тылы одолеть шведов, которых, напомним, вполне устраивала ничья (они до матча с нами не проиграли ни одной встречи и не имели ничьих), нечего было и думать.

Наши соперники придерживались тактики, которую, пожалуй, вернее всего назвать тактикой активной обороны. «Вы хотите победы, нападайте, мы готовы драться до последнего...» И вот в таком принципиальном споре в нашей обороне появилась трещина, которая в конце концов не могла не стать серьезной пробоиной.

Несколько лет спустя мне довелось познакомиться с книгой большого мастера мирового хоккея Свена Юханссона, известного в спортивном мире больше под именем Тумба. Ныне это его фамилия.

Так вот он выпустил книгу, адресовав ее молодежи, и озаглавил «Тумба говорит начистоту». Наряду с полезными советами блестящего практика, каким был и остается в моих глазах Тумба, в книге, несомненно, есть отдельные рекомендации, к которым следует отнестись критически. Меня же, однако, в первую очередь заинтересовали суждения Тумбы о тактике, точнее — о различных хитростях, к которым нельзя не прибегать в матче с сильным соперником.

Дабы поярче, в эмоциональном ключе развить этот свой тезис, Тумба довольно подробно рассказывает о том, как он и его партнеры по «Тре Крунур» — сборной команды Швеции — готовились играть и играли против советской сборной в том памятном для нас финальном матче в Москве.

Итак, предоставляю слово Тумбе.

«Команда, применяющая какую-либо тактику, должна не только настойчиво осуществлять ее, но и приспособливать свою игру к ответной тактике противника. Если вовремя не понять этого, может оказаться слишком поздно, и тогда получится так, как было с русскими хоккеистами в Москве.

Хотелось бы рассказать также о том, как Гарвис Меетта забил в Москве решающий гол, когда я отвлекал па себя двоих игроков. Произошло это следующим образом.

В матче с русскими мы вели в первом периоде со счетом 2:0. Мы знали по опыту, что русские хоккеисты очень опасны. Когда их прижмут к воротам, они всегда отвечают бурной контратакой. Они хорошие бойцы, у них высокая общая физическая подготовка, и они действительно умеют выложиться до конца, сыграть в полную силу. Однако мы — шведы, мы же викинги, — так рассуждали шведские хоккеисты. — Мы не должны сдаваться, постараемся на этот раз прижать русских».

Во втором периоде мы в течение 10 минут удерживали счет, по-прежнему было 2:0 в пользу Швеции. Но тут русские развили совершенно фантастический темп. Не снижая его, они забили в наши ворота четыре гола. Иными словами, теперь они вели со счетом 4:2 и не ослабляли натиска.

Нам, признаться, совсем было невесело, мы не понимали, откуда у них взялись силы, ибо работали они так интенсивно, что могли бы забросить нам в том периоде

больше четырех шайб, если бы Флодквист не действовал в воротах исключительно четко. Однако в раздевалке мы сказали себе: «Ребята, мы не для того приехали сюда, чтобы проигрывать. Как мы покажемся дома, если позволим русским выиграть этот матч. Остался целый период, у нас еще 20 минут времени, и мы должны сыграть так, чтобы эти 20 минут тяжело достались русским. Надо по-настоящему поднажать в последнем периоде».

С этими словами мы вышли на поле. Благодаря тому, что моя отвлекающая двух противников тактика по-прежнему очень хорошо оправдала себя, Эйе вскоре забил третий гол. А потом случилась такая история.

Я вышел на угол и сумел завладеть здесь шайбой. Оба моих русских сторожа были рядом со мной. Я передал шайбу за ворота, ее принял стоявший там Гарвис Меетта. Мне было непонятно, почему он расположился за воротами, ведь самое лучшее место — перед воротами. Но оно, видимо, не нравилось Гарвису.

«Ах, вот что, так это мне нужно непременно встать перед воротами — подумал я, отдав шайбу Гарвису и взглянув на обоих своих русских сторожей. — Что же, поедем, займем свое место на пятачке». Оттуда я увидел, что Гарвис за воротами с шайбой совсем один. Прямо перед воротами стоял я со своими русскими опекунами, а в самих воротах — русский вратарь Пучков. Остальных русских хоккеистов, так же как Эйе Линдстрема, отделяло от нас сравнительно большое расстояние.

В этот момент все 50 000 человек, смотревших матч, решили, что сейчас Гарвис передаст шайбу мне, ведь я занимал очень выгодную позицию. Так, наверное, решили и все игроки на поле. Что касается меня, то и я ждал шайбу от Гарвиса. Но мы все ошиблись. У Гарвиса был свой план. Он постоял за воротами, вывел шайбу одной рукой и сделал бросок из-за ворот. Шайба оказалась в сетке за спиной Пучкова, который рассчитывал, что все внимание Гарвиса сосредоточено на мне. Теперь шайба уже лежала в воротах, и я сказал об этом Пучкову, чтобы он не сомневался больше в том, что гол забит».

Так пишет Тумба — начистоту. Следуя примеру своего старого коллеги, я также скажу начистоту, точнее — продолжу начатую мысль о причинах нашей тогдашней неудачи.

Зная силу звена Тумбы, мы тем не менее недооценили его. Честно говоря, я что-то не припоминаю, как в ответ на плотную опеку Тумба сам начал заниматься тем же (он пишет, что ему удалось выключить из игры сразу двух советских хоккеистов: один тенью следовал за Тумбой, а Тумба, в свою очередь, контролировал действия другого игрока сборной СССР). Впрочем, возможно, эта уловка и удалась, так как, повторяю, ни Жибуртович, ни его одноклубник, также игравший в сборной, Виталий Костарев не справились со своими обязанностями. Что же касается мастерства Свена Тумбы, то оно, как говорится, не нуждается в комментариях!

Я не случайно столь подробно остановился на одном тренерском просчете. Дело в том, что он, этот просчет — стремление во что бы то ни стало тянуть в состав сборной команды игрока своего клуба, даже если претендент по своему мастерству и другим качествам уступает другому кандидату, — явление, увы, не такое уж редкое в нашем спорте и я возьму на себя смелость утверждать, что оно касается не только хоккея.

Ныне я тоже смотрю на хоккей глазами тренера. Допускаю, что не все в моей новой практике пойдет без сучка и задоринки. Возможно, на новом поприще меня ждет больше разочарований, нежели удач. Возможно. Тем не менее я убежден в том, что никакие прежние заслуги, никакой самый что ни на есть блестящий набор медалей не должны в руководимой мною команде и никогда не будут служить пропуском в состав боевой хоккейной дружины, если игрок не будет тренироваться в поте лица своего. Понимаю, конечно, что практика подчас заставляет тренера искать иные решения при комплектовании состава. Однако они, эти решения, должны, на мой взгляд, быть исключением из правила, о котором шла речь выше, и, уж, разумеется, не в матчах, от исхода которых подчас зависит судьба мировой хоккейной короны.

Моя немалая жизнь в хоккее, полагаю, дает мне некоторое право судить «о делах давно минувших дней», ибо то, о чем я рассказал, относится к истории нашего отечественного хоккея. А из истории, как и из песни, слова не выбросишь.

Не хочется выглядеть всем и вся недовольным человеком, таким брюзгой, но коль в моем рассказе появилась критическая нотка, пусть она прозвучит подольше,

тем паче, я уверен, что мой возможный оппонент, тренер хоккеистов ЦСКА Анатолий Владимирович Тарасов, не заставит себя ждать и непременно примет вызов.

Я немало подумал, прежде чем вынести наш спор с ним на страницы книги. В самом деле, так ли уж интересно читателю быть третейским судьей в разногласиях, носящих в общем-то чисто профессиональный, хоккейный характер?

Думается все же, что сопоставление двух точек зрения на искусство игры в обороне, точнее — ее отдельных аспектов, окажется небезынтересным и для хоккеистов и для их приверженцев. К тому же я обещал рассказать о том, каким должен быть мастер хоккея и что следует делать, чтобы познать секреты этого мастерства.

Итак, позиция сторон. Я считал и продолжаю считать, что лучшая из всех систем обороны — зональная, когда защитник действует в определенной зоне, вступая в борьбу с любым появившемся в ней форвардом; иногда более удобна комбинированная, когда защитник действует и в зоне и в отдельные моменты «приклеивается» к своему подопечному. Так вот, двум названным я предпочитаю третью, получившую название персональной, или «игрок в игрока».

Должен сразу оговориться. Эта система может быть достаточно эффективной при наличии в команде физической силы и умелых защитников. Разумеется, и в этом случае взаимостраховка и товарищеская помощь, без которых немыслима ни одна спортивная игра, не утрачивают своего значения. Но, повторяю, само сознание, что от твоего мастерства во многом зависит неприкосновенность ворот, заставляет защитника надеяться в основном на себя, ибо проигранный поединок сразу же создает численный перевес в боевых порядках соперников.

Как, например, держали оборону мой постоянный партнер Иван Трегубов и я? Будучи уверенным, что Трегубов либо отберет шайбу у соперников, либо не даст ему сделать точную передачу, не выпуская из поля зрения своего подопечного, я занимал все же позицию, с которой мне нетрудно было перехватить возможный пас противника, если ему каким-то образом удастся уйти от моего напарника. Такой маневр (его же делал и Трегубов в аналогичной ситуации) можно назвать профилактической мерой, взаимостраховкой.

Надеюсь, меня не заподозрят в нескромности, если я скажу, что действовали мы с Трегубовым надежно и легкой жизни нападающим не давали. И тем не менее избранный метод обороны, кстати сказать не нами открытый и проверенный практикой, вызвал протест тренера.

А как смотрит на искусство обороны Тарасов? Чтобы у читателя не сложилось неправильного представления о сути наших, моих и Трегубова, расхождений с Анатолием Владимировичем, скажу сразу, что то были чисто творческие споры, продиктованные общей любовью к хоккею.

Он всегда считал и, кажется, продолжает считать, что при всех случаях обороны один из защитников должен непременно оставаться на пяточке у ворот, охраняя подступы к самой опасной для вратаря зоне.

На первый взгляд это логично. Однако, бдительно и твердо охраняя пяточок, защитник, по существу, обрекает своего партнера по обороне на непосильную борьбу с двумя форвардами. Ведь обычно прорыв осуществляется двумя нападающими: так им легче, сыграв в «стенку», обыграть защитника. В конечном счете защитник на пяточке оказывается один против двоих нападающих, и если они опытные хоккеисты, им не составит большого труда прорвать и этот заслон.

Могут, конечно, сказать, что помочь защитникам должны их нападающие. Верно. Такой вариант не исключен. И на практике так обычно и бывает. Но тогда, согласитесь, опекая каждый каждого, хоккеисты станут действовать так, как этого требует система «игрок в игрока». А Тарасов как раз и не желает этого. Вот коротко в чем суть моих и моего товарища разногласий с тренером по поводу действий защитников.

Думаю, что лучшим судьей, способным решить, кто же из нас все-таки прав, может стать сам хоккей. Судя по моим наблюдениям последних лет, наиболее крепко выглядит оборона тех команд, где придерживаются системы персональной опеки.

Эта система весьма трудна, требует от игрока отличной физической подготовленности и всех других хоккейных качеств. Зато она, я это еще раз подчеркиваю, надежнее всех остальных методов обороны, где в общем-то никогда толком не разберешь, кто за кого отвечает.

Меня нередко спрашивали молодые игроки: «Каким должен быть защитник в современном хоккее?»

В самом деле, каким?

Смелым, мужественным? Ловить шайбу на себя, подставлять ей грудь, искать силового единоборства, стремясь во что бы то ни стало выйти победителем? Все это так. Но, если защитник умеет делать только это, он вряд ли может называться игроком экстра-класса (а мы, естественно, говорим о хороших защитниках).

Хоккейный защитник уже давно перестал быть только разрушителем. Ныне он и созидатель, полноправный партнер нападающих, который поражает цель ничуть не хуже, а иногда и лучше самых искусных форвардов. Хороший защитник — это тот игрок, кто умеет предвидеть за несколько ходов развитие и возможное продолжение атаки и вовремя поспеть на самый опасный участок обороны.

Существует немало способов отбора шайбы, но, думается, вряд ли следует заниматься описанием каждого из них, тем более что никаких новых приемов, насколько я знаю, пока не появилось, а давным-давно известные не настолько хорошо выполняют даже наши опытные защитники, чтобы сдавать их в архив.

Если меня спросят, кто из ныне действующих защитников более других отвечает типу современного игрока обороны, я назову в первую очередь хоккеиста команды ЦСКА Эдуарда Иванова и в отдельных случаях — Владимира Брежнева. В меньшей степени это можно сказать о Викторе Кузькине и Александре Рагулине.

О Рагулине мне хочется сказать особо. Природа не пощупилась, щедро одарив Александра силой и выносливостью. Сами по себе оба эти качества трудно переоценить, однако считать их единственными козырями в борьбе с нападающими было бы неверно. Уверен, что Рагулин знает о том, что нужно, не хуже меня. Однако можно хорошо знать тот или иной прием; иметь о нем ясное представление и не уметь выполнить его так, как это диктует скоротечная обстановка хоккейного боя.

Здесь, как я уже говорил, счет идет на десятые доли секунды и нельзя медлить, произносить горячее хоккейное слово по складам: сначала отобрать шайбу, потом оторваться от соперника, потом посмотреть, кому адресовать ее, и, наконец, выполнить передачу. По-настоящему классный защитник проделывает все это слитно, почти без пауз. Именно такая стремительность действий и явля-

ется великолепной предпосылкой для организации внезапной атаки, а Рагулин, как, впрочем, и многие другие наши защитники, нередко передерживает шайбу, сковывает развитие контратаки.

Думаю, Саша Рагулин и его приверженцы (а их у него немало) правильно поймут мои замечания. Это, несомненно, одареннейший хоккеист, и если он сумеет освободиться от отдельных недостатков в своей игре, будет — я в этом не сомневаюсь — сильнейшим защитником мирового хоккея!

Не хочу, чтобы у читателя создалось впечатление, что-де у нас вообще ныне нет хороших защитников. Они есть. Но ведь то, что считалось хорошим вчера, завтра может уже им не быть.

Первые победы советских хоккеистов над канадцами не могли не радовать. Однако, принимая поздравления, мы говорили, что, несмотря на достигнутый успех, нам следует учиться у заокеанских виртуозов клюшки. То было не излишней скромностью. Таково было реальное соотношение сил в мировом любительском хоккее тех лет. Поэтому игроки сборной страны, в числе которых находился и я, с нескрываемым удовольствием восприняли сообщение о предстоящей поездке в Канаду.

В МЕККЕ МИРОВОГО ХОККЕЯ

так, мы летим в Канаду! Мы — это хоккеисты сборной команды СССР, составленной в основном из игроков московских клубов. Каждый из нас мечтал побывать на родине хоккея, в стране, где слава виртуозов клюшки подчас затмевает самую громкую известность модных кинозвезд и популярных политических деятелей.

Напомню, что речь шла не о туристской поездке. Уже один тот факт, что федерация хоккея Канады пригласила советских спортсменов совершить турне по стране, лучше всякой широковещательной

рекламы говорило о том, что нашим хоккеем всерьез заинтересовались за океаном.

Что значит хоккей для этой страны, мы поняли сразу же, как только сошли с трапа самолета, в котором провели около двенадцати часов, совершив прыжок через Атлантический океан в Ньюфаунленд.

Свой первый матч нам предстояло провести в Торонто, а до него, как выяснилось, лететь столько же времени, сколько через Атлантический океан. Если же учесть, что самолет внутренней линии делает на пути пять остановок, то нетрудно представить себе наше самочувствие, когда мы наконец-то достигли цели своего путешествия. Но, несмотря на поздний час, очередной атаки корреспондентов, которые, как выяснилось, ничуть не уступают напору канадских хоккеистов, избежать не удалось.

Вопросы сыпались, будто весенний град.

«Кто сильнейший форвард команды?», «Как себя чувствует космонавт Лайка?», «Чем занимается сейчас тройка Боброва?», «Кто станет чемпионом на мировом первенстве в Осло?»

На тренировках перед играми также не было отбоя от зрителей и журналистов, один из которых, известный спортивный обозреватель Боб Хескет, писал:

«Многие будут поражены, когда обнаружат, что русские хоккеисты имеют по одной голове и обычный комплект рук, глаз и пальцев. Несколько лет назад, когда они набрались дерзости побить на первенстве мира торонтскую команду «Линдхорст», стали подозревать, что русские созданы иными, чем другие люди».

Директор катка не скрывал своего удивления, услышав от наших тренеров, что советские хоккеисты ничуть не возражают против присутствия на тренировках большого количества публики. А известные вербовщики в профессиональные канадские клубы Боб Уильсон (Бостон) и Боб Дэвидсон (Торонто) заявили репортерам: «Эти русские парни замечательно контролируют шайбу. Поразительно, что на льду не было никаких столкновений!»

Уильсон признал, в частности, что, по крайней мере, трое русских могли бы выступать за профессиональный клуб.

Свой первый матч 21 ноября против победителей Кубка Аллана (высший приз любительского хоккея в Канаде) 1956/57 г. мы проиграли 2:7. Не хочу оправдывать

Трудно складывается игра для сборной СССР...

столь неудачный дебют. Замечу, однако, что в течение первых двух минут Юрию Пантюхову и Вениамину Александрову удалось забросить две шайбы. В дальнейшем же не могли не сказаться наши «воздушные бдения», большая физическая усталость, они вскоре сделали свое дело.

Итак, первый блин, к сожалению, вышел комом. Тем не менее тон канадской прессы оказался благожелательным. А Джек Маккензи, тот самый, что входил в сборную олимпийскую команду Канады, не преминул заметить, что, отдохнув и попривыкнув, русские еще покажут, как надо играть в хоккей.

Со своей стороны, пусть и с многолетним опозданием, хочу заметить, что столь крупного поражения могло бы и не быть, используй мы в матче все девятнадцать игроков, входивших в состав команды, а не семнадцать, как это оказалось на самом деле. Это тем более удивительно, ибо сам Тарасов хотел, чтобы команда выступала девят-

надцатью хоккеистами (обе стороны были согласны на это). Однако желание тренера как можно дольше держаться на льду меня и Трегубова привело к тому, что мы оба еле-еле справились с выпавшей на нашу долю нагрузкой.

Можно, конечно, понять тренера, пожелавшего начать турне с победы. Первый выигранный матч, особенно за рубежом, имеет громадное психологическое значение. Однако в данном случае боязнь поражения стала теми путями, что связали нас по рукам и ногам еще до выхода на лед.

В Виндзоре, где нам предстоял матч с «Виндзорскими бульдогами», уже утром гостеприимные хозяева предложили осмотреть местные достопримечательности и заодно, так сказать, попутно посмотреть на Соединенные Штаты.

— Ступайте вдоль этой улицы до набережной. Минут через семь вы увидите Детройт.

Все это было похоже на шутку. Вскоре, однако, мы убедились воочию, что Америка, знакомая нам по книгам, журналам, фильмам, предстала серой громадой небоскребов на другой стороне трехсотметрового канала, разделявшего Канаду и США.

Итог матча с «Виндзорскими бульдогами» — 5:5, пожалуй, вполне отражает равенство сил соперников. Тем не менее я, как, впрочем, и многие канадские журналисты, склонен расценивать его как наш успех. За 14 минут до конца игры мы проигрывали 2:5 и сумели сравнять счет!

На следующий день почти все газеты отдали должное игре советских хоккеистов. «Хуже это или лучше, — писал спортивный обозреватель «Виндзор дейли Стар» Даг Воган, — но вчера, когда русские сыграли 5:5 с «бульдогами», хоккей был перенесен на 20 лет назад. Лучше, если вы старый хоккейный болельщик, который помнит и любит старые добрые времена, когда за комбинационную игру, владение шайбой и скорость давали призы. Хуже, если вы сторонник модного в Канаде и США стиля «сногшибания и бросания на борт». Как заявили сами русские игроки, они приехали к нам учиться, расширять свои познания в хоккее. А из того, что нам довелось увидеть вчера, весьма затруднительно сказать, кто у кого и чему будет учиться. Мы совершенно определенно думаем, что

вряд ли многому русские научились у «бульдогов». В то же время мы совершенно уверены в том, что наши парни заметили кое-что такое, чему они с удовольствием научились бы сами.

Не ради похвалыбы, квасного патриотизма привожу я эти приятные для всего нашего хоккея слова. Быть может, кое в чем столь лестные оценки были в известной степени данью, что ли, гостеприимства. И все-таки наиболее дальновидные знатоки хоккея не ошиблись в том, что советские игроки привнесли в мировой хоккей невиданный доселе быстрый темп, тонкую комбинационную игру, настоящий коллективизм. Об этом, не скрою, было приятно читать, и наш переводчик Роман Киселев охотно знакомил игроков с отзывами канадской прессы.

После короткого отдыха — снова в путь. В Китченере-Уостерлу встретили немало старых друзей — соперников по олимпийскому турниру. Бывший тренер команды Боб Бауэр, вратарь Броудер, менеджер Эрн Гоман и многие другие, с кем приходилось встречаться, дружески похлопывают по спине.

Команда «Китченер-Уостерлу Датчмен» весьма тщательно готовилась к матчу и сумела взять реванш за поражение на Белой олимпиаде в Кортине. Против нас выступали восемь игроков, входивших в олимпийскую команду Канады. Зато после этого матча мы выиграли все пять последующих: 7:4 в Садбери, 6:3 в Норт Бей, 6:3 в Монреале, 4:2 в Кингстоне и 10:1 в Оттаве.

Матчи советских хоккеистов в Канаде получили широкий отклик у спортивной общественности этой страны. Все время мы находились в центре внимания специалистов, прессы и приверженцев хоккея, коих в Канаде великое множество. Все они великолепно разбираются в тонкостях игры, отдавая должное истинному мастерству, независимо от того, их ли это хоккеист либо игрок команды-соперника.

Немаловажное значение имел наш визит и для укрепления тогда только зарождавшихся спортивных связей между двумя нашими странами. Теплота и сердечность приема, искреннее внимание, оказанные нашей команде всеми, с кем нам довелось встречаться, убедительнее самых убедительных слов говорили за то, что и эту свою задачу мы также решили успешно. И, надо полагать, не случайно на страницах почти всех крупнейших

канадских газет появлялись отклики на выступления советской команды.

Вот что, например, писала «Канадиен Трибьюн» в номере от 2 декабря: «Сколько хорошего принес приезд советских хоккеистов! Дружеский прием, оказанный им газетами и спортивными обозревателями, рекордное количество зрителей в «Мейпл Лифс Гарден», когда они играли против «Данлопс», доброжелательность публики — все это показатели того, каким может стать положение, если закончится холодная война и между советским и канадским народами начнется регулярный обмен спортивными, культурными, научными и другими делегациями... Давайте чаще встречаться! Как сказал один из торонтских спортивных журналистов, «будем с нетерпением ждать того времени, когда игроки «Монреаль Канадиенс» займут места в спутнике, вылетающем в Москву в 6.15 для вечерней встречи на международный Кубок Стэнли».

Должен сказать, что все последующие годы, за исключением 1957-го, когда канадцы и американцы не участвовали в мировом первенстве, проходившем в Москве, отношения между канадскими и советскими хоккеистами оставались и, надо полагать, останутся такими же крепкими, искренними, какими они были в самом начале их встреч.

Уже в эту первую нашу поездку в Канаду (впоследствии их было еще несколько) каждого из нас, хоккеистов сборной СССР, одолевало вполне естественное любопытство, когда речь заходила об игре канадских профессионалов.

В самом деле, как играют ставшие полупрофессиональными Ришар-Ракета из знаменитого клуба «Монреаль Канадиенс», форвард клуба «Дейтройт ред уингс» Горди Хоу и другие звезды канадского хоккея? И, конечно же, каждый из нас, наблюдая за игрой команд «большой шестерки» — Высшей лиги профессионального хоккея, спрашивал себя: «Как бы мы сыграли с профессионалами Канады? Можно ли их победить?»

Должен сказать, что этот вопрос нередко задавали многим игрокам нашей сборной по возвращении на Родину. И всякий раз я, например, отвечал отрицательно.

— Нет, пока мы обыграть их не можем...

Этого мнения я придерживаюсь и поныне, так как реально представляю себе существующее соотношение сил.

«Так что же, Ришары, Хоу и другие — сверхчеловеки?» — спросит иной читатель, прочтя эти строки.

Нет, они, разумеется, обыкновенные люди. Но представьте себе команду, составленную из 16 Бобровых, Фирсовых и Локтевых, и вы поймете, какой громадный выбор звезд имеется у менеджеров ведущих профессиональных клубов. Поэтому, думается, каждому должно быть ясно, почему мы пока не можем победить канадских профессионалов. Я умышленно оставляю слово «пока». Уверен, что их преимущество над сильнейшими европейскими командами — сборными СССР, Чехословакии и Швеции — в случае организации матчей между профессионалами и любителями вскоре будет не столь ощутимым, каким оно выглядит сейчас.

В чем же сила канадского профессионального хоккеиста?

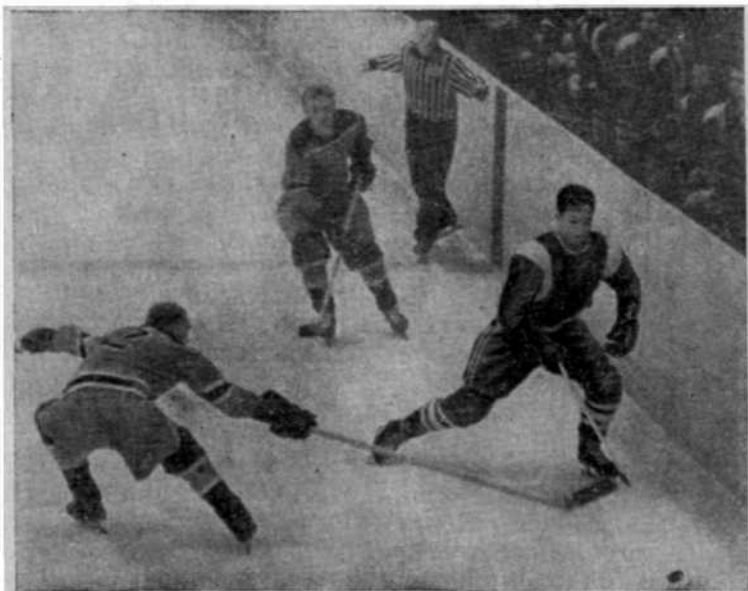
Абсолютно коротко ответить на этот вопрос — значит по существу оставить его без ответа. Поэтому я позволю себе поподробнее рассказать о наиболее характерных, типичных сторонах игры профессионалов.

Начну с того, что повторю азбучную истину: хоккей — игра очень быстрая, сверхбыстрая, вихревая! И вот чтобы на протяжении всех шестидесяти минут чистого времени быть хозяином положения, беспрестанно контролировать шайбу, сохранять инициативу, успешно навязывать свою волю, свой план игры, надо на площадке все делать несколько быстрее, нежели этр успевают сделать соперник.

В спортивных играх — футболе, хоккее, баскетболе — бытует даже такой термин: игра на опережение. Применительно к канадскому хоккею этот термин получает еще более широкое значение, ибо он является, если так можно сказать, одним из компонентов другого, более широкого понятия — маневренности.

Маневренность, высочайшее техническое мастерство и виртуозную игру корпусом — правда в пределах специальных правил — и следует считать тремя китами канадского профессионального хоккея.

Мне приходилось нередко слышать и читать о жесткости, почти звериной ярости хоккеистов-профессионалов. Могу засвидетельствовать, что те, кто представляет матчи профессионалов как сплошную потасовку и драку, глубоко ошибаются, хотя отдельные игровые эпизоды нередко походят на обмен ударами агрессивно настроенных

Броситься и атаковать соперника, набравшего скорость и оказавшегося в лучшей, нежели ты, позиции, было неправильно. И Николай Сологубов фехтовальным уколом клюшки стремится дотянуться до шайбы, одновременно готовясь развернуться, чтобы встретить конкурента с другой стороны

боксеров. Но, повторяю, было бы неверно не видеть за «перехлестами игрового темперамента» профессионалов их большого искусства. Каждый из них мастерски делает в хоккее буквально все, и если форвард получил возможность поразить цель, он непременно захочет забросить шайбу сам. Если же взять ворота труднее, нежели занявшему лучшую позицию партнеру, последует незамедлительный пас тому. Вместе с тем здесь мы видим не только целесообразные действия больших мастеров. Здесь явственно слышится «звон злата», пахнет долларами, которые ждут авторов гола (и того, кто забросил шайбу, и того, с чьей подачи это было сделано). Короче, перед вами разыгрывают яркий спектакль, в котором все главные роли поручены звездам первой величины и где пет места серому, скучному слову «статист».

Вам еще неясен конец, неизвестен победитель, но, право же, нелегко оставаться равнодушным, видя матч искусных мастеров, а накал страстей достигает высшей точки кипения!

Я уже упоминал о высокой маневренности, техническом мастерстве и великолепной игре корпусом профессионалов. Так вот, продолжая разговор на тему «Можно ли победить канадских профессионалов?» замечу, что нам, по-моему, пока легче догнать их в исполнении отдельных приемов, силовой борьбе (некоторые наши хоккеисты, тот же Анатолий Фирсов, вряд ли уступят в этом канадским профессионалам), нежели в искусстве маневрирования.

А что значит успешно маневрировать? Это значит, почти не затормаживая, не гася дистанционной, линейной скорости (есть такие термины в хоккее, обозначающие прямолинейное движение на коньках), уметь передвигаться буквально в любом направлении, используя силу инерции, закладывая виражи любой трудности. В конечном счете это значит выигрывать у соперников те драгоценные доли секунды, которые нередко становятся решающими в хоккейном поединке.

Так вот, давайте вспомним, много ли у нас таких быстрых и маневренных хоккеистов? Скажем прямо, не так уж много. Быстрых-то сколько угодно. А вот истинно маневренных, таких, о которых шла речь выше, — таких, увы, пока нетрудно пересчитать по пальцам.

За год-два подобных игроков не воспитаешь. Нужно время. Начинать надо опять же с мальчишек. В Канаде, например, «голос» игроку ставят, когда он только начинает петь дискантом. Желая видеть своих сыновей хоккейными звездами, отцы отдают сыновей на выучку к известным тренерам в знаменитые клубы. А так как хороших клубов в стране хоть отбавляй, так же как и катков с искусственным льдом (в наш первый приезд их было более 500), то, если посчитать, что каждый клуб воспитает хотя бы одного классного игрока, нетрудно понять, какими поистине неисчерпаемыми резервами хоккеистов располагает эта страна.

Канадский профессионал отлично владеет всеми видами бросков, причем выполняет их, как правило, предельно быстро и без подготовки, лишая вратаря возможности принять соответствующую моменту стойку. А если учесть, что двое форвардов постоянно маневрируют у ворот, стре-

мясь всеми правдами и неправдами добить отскочившую от вратаря шайбу, нетрудно понять, какой нелегкий удел выпадает на долю защитников.

Тем не менее, наблюдая за игрой команд «большой шестерки», я невольно ставил себя в оборонительные порядки одной из сторон, стараясь предугадать, как бы поступил сам в той или иной ситуации.

Вот один из эпизодов, привлечших мое внимание в матче команд «Бостон бруинс» и «Торонто». Опекаемый защитником «Торонто», правый крайний «Бостон бруинс» Джонс, сделал короткое ускорение, отдал шайбу идущему параллельно партнеру. Тот сразу же вернул ее обратно, выкатился под острым углом к воротам «Торонто», очутившись за спиной защитника, занявшего позицию в створе ворот.

. Казалось бы, логика подсказывала защитнику подкатиться к выдвинувшемуся к воротам форварду, чтобы помешать ему принять шайбу от партнера с правого фланга. Так, очевидно, поступил бы на его месте любой защитник. Так, честно говоря, сделал бы я, окажись в аналогичном положении. Во всяком случае, мысленно я уже успел выполнить задуманный маневр.

А вот защитник «Торонто» поступил иначе: оставив без опеки вырвавшегося под углом к воротам Джонса, он занял такую позицию, которая позволяла ему, во-первых, перехватить пас, адресованный форварду, выкатившемуся к тому времени в створ ворот, а потому наиболее опасному, и, во-вторых, лишала Джонса возможности, получив шайбу, сместиться в центр и оказаться один на один с вратарем.

Поразили меня не столько новизна избранного защитником решения и точность маневра, хотя и этим нельзя было не восхищаться, сколько быстрота, синхронность всех фаз, всех элементов, из которых состояли действия защитника в описанном игровом эпизоде.

Шайбу, как я и предполагал, все-таки получил Джонс. Однако его бросок довольно легко отбил вратарь, что, собственно, предугадать было уже довольно просто, ибо пи в одной стране, культивирующей хоккей, нет столько высококлассных вратарей, сколько их в Канаде. Должен сказать, именно такое фанатическое доверие вратарям, их высочайшее искусство (иного слова не подберешь) во многом определяют действия любого игрока канадской

команды, и не только профессиональных лиг. Этот фактор тоже нельзя не учитывать, взвешивая наши шансы в возможном поединке с канадскими профессионалами.

Ежегодно во второй половине апреля, когда заканчивается сезон команд «Большой шестерки», устраивается матч двух сильнейших профессиональных клубов. Сбор от него целиком поступает в пользу ветеранов лиги, которые по разным причинам (чаще всего из-за серьезных травм) раньше времени покинули хоккей. Есть, конечно, и среди профессионалов преуспевающие люди, сумевшие вовремя отложить на «черный день», а затем открыть свое дело, стать бизнесменами. Но таких все-таки меньше, чем тех, для кого предназначены доллары, собранные их собратьями по профессии под занавес очередного сезона.

И вот ведь что любопытно. Канадский профессионал, готовый, если ему хорошо заплатят, драться до крови, стремясь любой ценой забросить шайбу, в пользу своих бывших коллег играет бесплатно, считая это за большую честь. Как рассказывали нам, еще не было случая, чтобы кто-либо отказался от участия в матче.

Собственно, причину такой профессиональной солидарности понять не так уж трудно: никто не знает, насколько долго будет милостива к нему фортуна и не окажется ли он ненужным клубу прежде, чем на счету в банке накопится кругленькая сумма. Поэтому забота о завтрашнем дне остается немаловажной проблемой для канадского профессионала, если он, разумеется, ни Хоу, Морис Ришар или Планта.

Когда в 1893 году генерал-губернатор Канады лорд Стэнли пожертвовал серебряный кубок в качестве главного приза канадского хоккея, то вряд ли он мог предполагать, что спустя несколько лет борьба за этот трофей достигнет такой остроты, а матчи финалистов привлекут десятки тысяч зрителей. А ведь поначалу вроде бы ничто не предвещало такого бума. Первыми обладателями приза стали любительские команды, чей класс в общем-то был невысок. Но уже с 1908 года, когда появился на свет хоккей профессиональный, кубок стал главным призом для лучшего профессионального клуба.

Профессиональный хоккей быстро оценили и крупные бизнесмены. Чувствуя запах наживы, они стали вкладывать деньги в новое дело, обещавшее в скором времени

неплохие проценты на каждый вложенный доллар. И не ошиблись. Коммерческий дух нашел выражение в канадско-американском альянсе, суть которого, пожалуй, в полной мере отражает формула «игроки — канадские, деньги — американские».

Хоккей настолько вошел в быт каждого канадца, что без него просто невозможно представить себе жизнь страны. Человек, впервые попавший в Канаду, вскоре перестает удивляться этому всеобщему поклонению хоккейным кумирам и воспринимает как само собой разумеющееся такие, например, высказывания прессы.

«Ничего нет более значительного в жизни Канады, чем хоккей, с ним не сравнится даже выращивание пшеницы, которым мы известны во всем мире, — пишет журнал «Хоккей-пикчеризл». — И хотя кое-кто в этом может усомниться, хоккей — величайший вид спорта на земле и в то же время великая, неотъемлемая часть нашей национальной культуры. Именно нашей, потому что это единственное, в чем мы никому не подражаем.

Если очень образованные люди в Канаде писали о том, что от хорошего хоккейного матча они получают такое же наслаждение, как от балета «Метрополитен-опера» или балета Большого театра, то можно смело сказать: да, хоккей — это наша культура».

У профессиональных хоккеистов существует традиция, согласно которой команда, завоевавшая Кубок Стэнли, здесь же, на льду, наполняет до краев шампанским этот серебряный сосуд, и каждый из победителей по очереди пьет из него. Право первого глотка предоставляется вратарю (и соблюдается неукоснительно). Такая привилегия лишний раз подчеркивает исключительное значение вратаря, от игры которого во многом зависят успехи команды.

Надо ли говорить, что в «Большой шестерке» профессионального хоккея, куда входят: «Монреаль Канадиенс», «Торонто Майпл лифс», «Чикаго блэк хокс», «Дейтройт ред уингс», «Бостон бруинс» и «Нью-Йорк рейнджерс», сосредоточены действительно выдающиеся представители вратарского искусства.

Турнир на звание чемпиона лиги продолжается около семи месяцев — с октября по март — и разыгрывается в четырнадцать кругов (!), после чего команды включают-ся в борьбу за Кубок Стэнли.

Любопытно, что каждая из команд «Большой шестерки» имеет лишь по одному вратарю, и если он получил травму или по какой-либо другой причине не может выйти на лед, замену ему должна найти команда — хозяин поля. Если же вратарь выбывает из строя на сравнительно долгий срок, его место занимает коллега из младшей профессиональной лиги, о чем руководство клубов договаривается заранее.

Наиболее точно высказался об игре канадских вратарей их, пожалуй, самый грозный соперник — знаменитый форвард Гордон Хоу из «Дейтройт ред уингс», которого канадские специалисты считают величайшим хоккеистом всех времен и народов:

«Было бы немного странно, если бы я стал делать комплименты вратарям — я не очень их люблю, — но дело в том, что эти парни позволяют забивать себе в ворота лишь такие шайбы, остановить которые почти невозможно. А бросить такую шайбу не так-то просто».

Громкую славу оставил после себя выдающийся вратарь Терри Савчук — судя по фамилии, украинец канадского происхождения (в Канаде проживает немало выходцев с Украины). Его называли «феноменальным голкипером», «чудом на льду». Не меньшей известностью пользовались Жак Планта из «Монреаль Канадиенс» и Гленн Холл из «Чикаго блэк хокс». Кстати, Планта первым из хоккейных вратарей стал выступать в защитной маске, которая ныне стала непременным атрибутом вратарей — и не только в профессиональном хоккее.

Спокойствие и уверенность Планта вскоре вошли в поговорку. У Планта появилось немало подражателей, но известно, что даже самая лучшая копия уступает оригиналу. Те, кто слепо копировал приемы талантливого мастера, забывали, что они, эти приемы, потому у Планта так великолепно получаются, что найдены им самим и опробованы в сотнях матчах.

Не могу не заметить, что буквально все канадские вратари, игру которых мне довелось видеть, весьма различны по своей манере, хотя каждого можно без преувеличения назвать великолепным мастером. Последнее обстоятельство позволяет говорить о вратарской хоккейной школе канадцев, опыт которой нам следовало бы изучить, учитывая, разумеется, уже сложившиеся традиции нашего хоккея.

Продолжу, однако, разговор о вратарях-звездах из «Большой шестерки». Наиболее сильное впечатление на меня, как, впрочем, на всю нашу команду, произвела игра вратаря «Чикаго блэк хокс» Гленн Холла.

Более хитрого вратаря, нежели Холл, лично мне видеть не приходилось. Я бы назвал его вратарем-психологом, великолепно разбирающимся в манере игры самых искусных форвардов, которые умеют в каскаде финтов, обманных движений, скрыть от вратаря свои истинные намерения. Но в том-то и дело, что в поединке с Холлом, «этой старой лисой», как его нередко называли, все как раз бывало наоборот. Условия диктовал вратарь! Холл, например, специально (будто случайно) открывал один угол ворот, как бы приглашая нападающего бросить шайбу в незащищенное пространство, и, когда видел, что форвард «клюнул» на приманку, мгновенно менял позицию, успевая отбить, казалось бы, мертвую шайбу.

Мне рассказывали, что у Холла есть специальная карточка, где зафиксированы излюбленные приемы всех наиболее опасных для него форвардов. И нельзя не верить этому замечательному мастеру, когда он говорит, что «вратарь, играющий только руками и ногами и не играющий головой, никогда не станет великим хоккеистом».

Суммируя впечатления, могу сказать, что характерной чертой всех вратарей команд «Большой шестерки» следует считать их удивительное умение расслабляться, давать отдых находящимся в величайшем напряжении мышцам и нервной системе. Это особенно важно, так как приходится выступать как минимум в 70—80 календарных матчах, не считая контрольных.

Когда атакует его команда, вратарь стоит спокойно, облокотясь о верхнюю штангу ворот. Это и есть та недолгая пауза, во время которой следует дать себе отдых. Но как только соперник начинает контратаку, от былого спокойствия вратаря не остается и следа. Весь он — пружина, готовая в нужный момент распрямиться, чтобы преградить путь шайбе, пулей летящей в ворота.

Наш читатель, по-видимому, немало наслышан о выдающемся форварде из клуба «Монреаль Канадиенс» Морисе Ришаре. Это был действительно единственный в своем роде хоккеист высокой результативности и без-

удержной отваги. И тем не менее игра даже такого виртуоза, как Ришар-Ракета, блекла в сравнении с игрой нападающего из клуба «Дейтройт ред уингс» Гордона Хоу. Хоккейный век канадского профессионала, как правило, ограничивается 10—12 годами. Когда мы видели Хоу в деле, то был его пятнадцатый сезон. Уже сам факт такого спортивного долголетия говорит о том, что помимо уникального индивидуального мастерства — и технического и тактического — Хоу выдающийся атлет (его рост 183 см, вес 80 кг).

Хоу особенно славится своими бросками, о которых впору сказать, что шайба пущена с пушечной силой, если бы это сравнение не было бы столь стертым.

Впрочем, выдающихся нападающих среди канадских профессионалов столько, что выбрать из них наиболее сильных — задача, прямо скажем, не из легких. Здесь и брат Мориса Ришара Анри Ришар из «Монреаль Канадиенс», и его одноклубник Жак Боливо, Дики Мур... Двое последних были в разное время обладателями кубка Росса — высшего приза для нападающих команд «Большой шестерки».

Мне особенно понравилась игра Боливо. Это хоккеист-гигант (рост 190 см, вес примерно 100 кг). Тем не менее он весьма подвижен, а его умению управлять клюшкой могут позавидовать иные цирковые жонглеры. Шайба, будто притянутая магнитом, не отходит от крюка в момент обводки и пулей срывается, когда ее хозяин решится сделать очередной «выстрел».

Казалось бы, сама конституция этого игрока предполагает игру резкую, грубую. А Боливо, наоборот, весьма корректен — разумеется, применительно к профессиональному хоккею. Этот факт, кстати, лишний раз говорит о том, что настоящее мастерство никогда не соседствует с недисциплинированностью и всякого рода нарушениями правил.

Умение забить гол, точно поразить цель — это, пожалуй, главный критерий оценки мастерства профессионального хоккеиста, независимо от того — защитник он или нападающий. Каждый стремится выполнить бросок как можно сильнее. Ведь если вратарь и парирует шайбу, то ее можно добить, и к тому же отбитая куда-нибудь, без адреса, шайба лишает обороняющихся возможности организовать быструю контратаку.

Мастерство канадских хоккеистов таково, что я не погрешу против истины, сказав, что каждый третий бросок форварда непременно достигает цели. Гола может и не быть (есть вратари), но процент попадания в площадь ворот весьма велик.

Наблюдая за филигранным, точно выверенным искусством канадских снайперов, не перестаешь удивляться, восхищаться — хоккеисты меня особенно поймут — и, увы, сожалеть, что даже ведущие наши форварды пока значительно уступают им в умении забивать гол.

Можно ли научиться вот так, почти без промаха, «расстреливать» вратарей? Да, можно. Только для этого надо забыть, что тренировочный урок длится пару часов. И совсем не лишне помнить мудрую поговорку «без труда не вытащить и рыбку из пруда». Именно так, не жалея времени на стократное повторение какого-либо приема, так неистово, я бы сказал — «по-пучковски», тренируются канадские звезды.

Думается, нашим молодым игрокам следует помнить, что красный свет, фиксирующий взятие ворот, сам по себе не зажигается. Было бы весьма полезно, если бы наши нападающие — это относится почти ко всем — научились выполнять бросок тогда, когда вратарь, закрытый своими или чужими игроками (а на пяточке перед воротами такое бывает часто), не может уследить за молниеносными перемещениями шайбы. Не видя, кто делает бросок, и, что особенно важно, как это делает, вратарь в этот момент походит на человека, играющего с повязкой на глазах. Опытные нападающие умеют искусственно создавать такие своеобразные заслоны. Они не устают маячить перед вратарем, а владеющий шайбой партнер нередко посылает ее прямо в форварда, поставившего заслон. Последнему остается лишь подпрыгнуть, чтобы дать шайбе черной молнией влететь в сетку.

Хочется сказать и об игре сильнейших защитников. Я уже упоминал об одном эпизоде, когда меня особенно заинтересовали действия моих коллег. Заканчивая рассказ о канадских звездах, расскажу о выдающихся игроках обороны высшей лиги профессионального хоккея Канады, и в первую очередь о ее лучшем защитнике (в те годы) Даге Харли из «Монреаль Канадиенс».

Харли не быстро передвигается на коньках: оторваться от него не составляет особого труда. Однако напада-

ющий может считать себя уже лежащим на льду, если перед ним вырастает мощная фигура Харли.

В действиях защитников силовые приемы — различного рода удары, подножки — являются обычным и, пожалуй, главным средством борьбы. Не так давно мне довелось увидеть в газете фотографию тридцатисемилетнего Терри Шочака — одного из самых популярных канадских вратарей. Помнится, еще в наш первый приезд за океан его портреты не сходили с газетных страниц. И вот спустя более десяти лет я снова вижу знакомое лицо известного спортсмена. Нет, оно, пожалуй, не постарело. Такой же мужественный, смелый, чуть полунасмешливый взгляд. Но сколько новых шрамов появилось по соседству со старыми!

Если верить репортеру, взявшему интервью у знаменитого вратаря, шрамов на лице Шочака теперь уже свыше 400(!?). Вот уже в течение шестнадцати лет Терри — регулярный посетитель хирургической клиники.

Тем не менее, отмечая как порочащие настоящих спортсменов ярость и неумную злость, у профессиональных хоккеистов Канады можно и следует заимствовать отдельные технические приемы игры корпусом, применение которых не противоречит правилам любительского хоккея.

Могут спросить: «А так ли уж нужно стремиться к встречам с профессионалами?»

Конечно, можно было бы обойтись и без них. Но спортсмены всегда остаются спортсменами. Они стремятся выявить сильнейших, иначе не было бы спорта. И хотя правила профессионального хоккея отличаются от любительских, сопоставление достижений двух хоккеев, помимо того, что само по себе интересно, позволяет взглянуть в завтрашний день этой увлекательной игры. А вывод, как мне кажется, может быть единственным и, увы, не новым.

Чтобы найти и воспитать новых Бобровых, Бабичей, Фирсовых и Пучковых, нашим тренерам и хоккеистам необходимо круглогодично иметь в своем распоряжении катки с искусственным льдом. Они уже есть в Москве (четыре катка), Горьком (два катка), Киеве, Воскресенске, Риге, Курске, Куйбышеве, Ярославле, Свердловске, Новокузнецке, Новосибирске и Алма-Ате.

В этом перечне, пока еще весьма небольшом, нет, тем не менее, Ленинграда, города с крепкими хоккейными традициями. Это тем более огорчительно, что команда ленинградского СКА, прочно закрепившаяся в числе лучших в стране, находится и поныне на голодном ледовом пайке. Ленинградские хоккеисты, по существу, не имеют своего поля и вольно или невольно оказываются гостями в своем родном городе. Их полуторамесячные отлучки из дома отнюдь не способствуют росту спортивного мастерства.

Нужно и специальное малогабаритное хоккейное снаряжение для мальчишек. Пока же, за редким исключением, они вынуждены играть в доспехах взрослых. Если же говорить о клюшках, то они весьма хрупки, ломаются подчас от нескольких прикосновений со льдом.

Словом, прежде чем бросить вызов канадским профессионалам, помериться с ними силами, следует решить немало проблем, непосредственно связанных с дальнейшим ростом нашего хоккея.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ И ЗАГАДЫВАЯ

ы настолько привыкли к успехам наших хоккеистов на международной арене, что подчас не замечаем, какое трудоемкое это слово — чемпион, особенно, когда за ним следует разъяснение, что команда стала чемпионом олимпийских игр, мира и Европы! О таком успехе можно только мечтать!

Впрочем, именно эти успехи — как говорится, дай бог, чтобы они повторялись как можно дольше, — как раз и побуждают меня, опережая события, заглянуть в биографию нашей сборной этак года на два-три вперед.

Излишне доказывать, что делаю я это отнюдь не из праздного любопытства. Мне далеко не безразлично, как выступают те, кто принял от хоккеистов моего поколения эстафету спортивного мастерства. Заранее оговорюсь.

Аппетит приходит не столько во время еды, сколько после трудного, напряженного матча на мировое первенство

Моя оценка игроков нынешней сборной и ее резервистов ни в коей мере не табель о рангах. Это личная точка зрения, мое, что ли, видение отдельных сторон нашего отечественного хоккея.

Итак, все ли благополучно в нашем хоккейном хозяйстве? Думаю, не ошибусь, сказав, что, несмотря на немалые достижения наших лучших команд, и в первую очередь сборной СССР, вряд ли будет правильно не видеть имеющихся просчетов.

Я уже достаточно подробно говорил о достоинствах любительского хоккея Канады, сумевшего в течение нескольких десятков лет быть безраздельным гегемоном в мировом хоккее. Так вот среди игроков этой страны царит жесточайшая конкуренция, своеобразный естественный отбор. «Выживают», как правило, истинно сильные, лучшие из лучших. Именно это обстоятельство, будучи своеобразным пропуском в ведущие клубы, выполняет и

роль отличного стимула, приводящего в боевую готовность все способности хоккеиста.

Было бы очень правильно, если бы в сборной команде СССР, да и в целом ряде первых клубных команд, число претендентов всегда превышало число вакансий. Такое постоянное соперничество пошло бы только на пользу нашему хоккею, выявив новые дарования и попутно заставив заслуженных старожилів постоянно держать форму. А ныне у нас совсем, совсем немного игроков высокого класса... Возьмем, например, нападающих нынешней сборной. Анатолий Фирсов, Александр Альметов, Вениамин Александров, Борис Майоров, Вячеслав Старшинов, Виктор Якушев и еще несколько человек — вот, пожалуй, и все наши виртуозы атаки.

Согласитесь, это не очень много, если не сказать мало, когда речь идет о команде — чемпионе мира. А ведь против чемпиона, как известно, даже самый неименитый соперник сражается с утроенной энергией.

Да, конечно, выдающиеся игроки, как названные мною, — явление в общем-то не столь частое. Но, во-первых, они не родились такими, а развили свои способности, стремились сегодня играть лучше, нежели вчера, а завтра лучше, чем сегодня. И все же, знай тот же Анатолий Фирсов — на мой взгляд, хоккеист огромных, еще до конца не раскрытых возможностей, что где-то рядом, в другой команде столь же успешно играет его двойник, уверен, что Фирсов заиграл бы еще более изобретательно и ярко.

В ближайшие год-два за место в составе сборной поведут борьбу молодые форварды: московские динамовцы Анатолий Мотовилов, Александр Сакеев, Игорь Самочернов, спартаковцы Виктор Ярославцев, Александр Якушев, локомотивцы Сергей Шалимов, Александр Курилов и еще несколько их сверстников из других клубов. Загода трудно определить, насколько успешны будут их дебюты в сборной. Кто-то сумеет пройти проверку боем, закрепится в команде, кто-то отсеется. Таков непреложный закон отбора. Во всяком случае, какая-то, пусть не абсолютно равноценная, смена нашим лучшим нападающим растет, чего, к сожалению, не скажешь об игроках обороны.

Мастеров защиты можно, что называется, пересчитать по пальцам. Эдуард Иванов, Александр Рагулин,

Виталий Давыдов... А кто стоит за ними, кто может бросить им звонким голосом юности: «Потеснитесь, ветераны!»

Увы, один-два игрока... Они к тому же пока представляют собой лишь неплохой материал, из которого руки мастера-тренера смогут вылепить мужественных, умеющих все делать ледовых бойцов.

Последнее мое утверждение в известной степени касается и вратарей наших ведущих команд, которые, за исключением разве что горьковчанина Виктора Коноваленко и московского спартаковца Михаила Зингера, пока весьма далеки от лучших образцов «пучковской школы».

Подозреваю, что кое у кого после прочтения этих строк может возникнуть мысль: «Мол, все, что было раньше, Сологубов одобряет, выдает за эталон, зачеркивая при этом достижения последующих поколений».

Нет, это не так. Говоря об игроках прошлого, я беру годы, а не какой-то сиюминутный момент. У меня образуется так сказать, оперативное временное пространство. А чтобы не прослыть за ворчуна, отвергающего все новое, попробую объяснить, почему столь медленно, на мой взгляд, появляются в нашем хоккее истинные мастера и что следовало бы сделать, чтобы их стало намного больше.

В конце концов кроме интересов сборной команды СССР мы не должны забывать о традиционном чемпионате страны, в котором хоккеисты не должны, просто не имеют права играть плохо! Наш зритель воспитан на хоккее весьма высокого достоинства. Серая, нудная игра сразу же вызывает соответствующую реакцию трибун. Попросту говоря, зритель уйдет со стадиона.

Так вот, если взглянуть на выступления так называемых перспективных мастеров даже глазами обыкновенного болельщика, который зачастую принимает желаемое за реальное, то даже и в этом случае трудно быть довольными выступлениями большинства наших молодых спортсменов.

О чем это говорит? В первую очередь о том, что мы еще плохо ищем среди мальчишек тех, из кого можно воспитать отличных хоккеистов. Истина стара, как мир, тем не менее ее нельзя не повторить.

Однако найти — это еще полдела. Самое трудное и кропотливое — довести игрока до определенной конди-

ции классности, что ли. Такая задача — максимум клубного тренера, если он хочет (а он должен этого хотеть!) подготовить хоккеиста, способного претендовать на место в составе сборной команды страны.

«Все это верно, — скажет читатель. — Ну, а если говорить конкретнее? Что делать — понятно. А вот как?»

Вопрос, прямо скажем, нелегкий. Видимо, ответить на него можно по-разному, хотя, думается, главное предопределяет правильная, основанная на достижениях современной науки тренировка. По-моему, первостепенное дело — это максимальное приближение учебных занятий к условиям самого хоккейного матча.

Всегда и везде ли соблюдаются оба эти условия? Не всегда и не везде.

Я глубоко убежден, что сейчас (речь идет о сезоне 1966/67 г.) защита — наиболее уязвимое место в большинстве наших клубных команд. Это видно, как говорится, невооруженным глазом.

Я не могу припомнить сезона, когда оборона сборной команды СССР была слабее. В чем же дело?

Опять как будто ничего нового: защитники сборной, по существу, оказались вне конкуренции. В самом деле, кого им бояться? Можно назвать, скажем, В. Жидкова из горьковского «Торпедо», В. Маркова и Ю. Чечурина из московского «Динамо», В. Мигунько из московского «Спартака». Но три последних — пока только способные, многообещающие в будущем игроки. Конкурентами А. Рагулина и Э. Иванова сегодня их не назовешь. А ведь конкуренция в спорте... Да она и есть сам спорт!

Еще одно свидетельство слабости игроков обороны. Играть с шестью защитниками оказалось многим не по силам. Даже такие, именитые команды, как московское «Динамо», горьковское «Торпедо» и московский «Локомотив», чаще всего выпускают на площадку четырех от силы пять игроков обороны. Да и кого мы видим среди них? С. Петухова, В. Кунгурцева, Ю. Цицинова и даже Е. Грошева. Все они стали известными хоккеистами, играя в нападении. И перевели их в оборону не от хорошей жизни. Надо было как-то латать дыры в обороне, а молодые еще, как принято говорить, «не подошли».

Правда, есть, по-моему, и другая причина этой пере-квалификации. Не так-то просто ветерану сказать «прощай» команде, которой отдал годы жизни. Но в нападе-

Играет первая и вторая сборные СССР. Контрольный матч проходит так же упорно, как официальное соревнование

нии он уже откровенно «не тянет» — не та скорость, не тот задор. А в защите авось справится. Отношение к защитнику как к игроку, который имеет право и бегать на коньках, и соображать, и выполнять технические приемы медленнее, чем нападающий, — довольно обычная вещь. Это вредное и опасное заблуждение! Современный хоккей, где все большую роль играет такая форма защиты, как прессинг, и такая форма наступления, как контратака, предъявляет к защитнику ничуть не менее высокие требования, чем к нападающему. У нас же защитников воспитывают без учета этих требований, воспитывают так, как много лет назад.

Доказательства? Пожалуйста. Специальной тренировки для защитников у нас не существует. Они занимаются вместе с нападающими. Но ведь ясно, что в игре защитнику приходится меньше владеть шайбой, чем нападающему. Потому и получает он от тренировки меньше.

Я, например, всегда учитывал это обстоятельство. И, чтобы не потерять уверенности в себе, чтобы навыки не исчезли, много тренировался сам. Обычно я просил кого-то из нападающих быть моим партнером. Поработав с одним, обращался к другому. Чем больше партнеров, тем лучше. Изучаешь разные повадки, учишься приспосабливаться к ним.

Но то, о чем я говорю, не рецепт, не «система Сологубова», годная для всех. Надо, чтобы были разработаны специальные и интенсивные упражнения для защитников, чтобы они составляли обязательную часть тренировки.

О том, что многие наши бывшие нападающие переводятся в оборону, я уже говорил. Вообще-то я не против переквалификации. Больше того, я считаю, что она чрезвычайно полезна. Только при одном условии: тренер заметил молодого игрока, которого хочет сделать хорошим защитником. Думаю, что самый лучший и короткий путь к цели — дать ему возможность сезон-другой поиграть в нападении. Там он научится хорошо взаимодействовать с партнерами, быстро ориентироваться в самых сложных игровых ситуациях, научиться забивать голы. Конечно, всем этим можно овладеть, играя в обороне. Но процесс будет более длительным, а навыки — не такими прочными. Уверен, что и нападающему полезна стажировка в защите. Универсализм хоккеиста нынче, как никогда ранее, выдвигается на первый план. И, думается, будущее в большом хоккее принадлежит именно командам универсалов.

Разумеется, подобный коллектив создается не вдруг, не по мановению волшебной палочки. На это может уйти три-четыре сезона. Однако начинать воспитывать и растить все умеющих делать хоккеистов надо уже теперь, чтобы не оказаться в роли догоняющих.

Нынче, имея преимущество в каком-нибудь одном компоненте игры, скажем, либо в скорости, либо в технической подготовленности, вряд ли можно рассчитывать на успех в крупнейших международных турнирах. Определенная переоценка ценностей произошла и в мировом хоккее. Так, если еще недавно примером для подражания, нередко, прямо скажем, слепого, служил любительский хоккей Канады, то ныне весьма заметно влияние нашей советской школы. Однако зарубежные спортсмены берут

из нашего технико-тактического арсенала не все, а лишь то, что может усилить их игру. Не лишне напомнить, что в свое время уступавшие советским хоккеистам в скорости бега чехи и, особенно, шведы в дальнейшем ликвидировали это свое отставание. Таким образом, правильнее говорить о продолжающемся взаимопроникновении хоккеев — европейского и канадского, и, по-видимому, сплав лучших черт, присущих обоим школам, окажется тем чудесным сплавом, который сделает хоккей еще более интересной, увлекательной игрой.

ШАЙ-БУ! ШАЙ-БУ!

известно, кто первым бросил в наэлектризованную атмосферу хоккейного матча слово-призыв, слово-наказ: «Шай-бу! Шай-бу!» Скажу лишь, что клич этот (по-моему, он все-таки родился в рядах наших болельщиков-туристов на Олимпиаде в Кортине д'Ампеццо) пришелся весьма по душе хоккеистам, а вскоре перекочевал и на трибуны во время

футбольных матчей, став в конце концов универсальным для соревнований многих спортивных видов.

Я уже упоминал, как важно для спортсменов теплое участие, идущая от сердца поддержка, особенно когда выступаешь за рубежом. Ощущая «дыхание трибун», всегда играешь в охотку. И наоборот, если зритель инертен, равнодушно взирает на происходящее, состояние спортсменов, очевидно, сродни состоянию актеров, вынужденных играть перед полупустым залом.

Скажут: играйте вдохновенно, с огоньком, и трибуны сразу же отреагируют должным образом. В общем, это верно. Однако случается и так, что, несмотря на хорошую игру одного из участников состязания (чаще всего — команды гостей), реакция предубежденных болельщиков действует на приезжих спортсменов подобно ледяному душу.

В этом смысле играть на наших стадионах любой зарубежной команде должно быть приятно. Говорю это так уверенно потому, что где бы я ни выступал за рубежом — а мне довелось играть на стадионах многих стран, — я нигде не видел столь доброжелательных, объективных ценителей спорта, как в нашей стране.

Что там скрывать — это всегда приятно, когда тебе аплодируют, кричат «браво!» И, поверьте, не так легко отклонить протянутый тебе блокнот для автографа. А их, этих блокнотов, бывают десятки, сотни! Однако иной раз, когда оголтелый болельщик готов до хрипоты порочить тебя и твою команду или, напротив, неуважительно, подчас по-хамски относиться к твоим соперникам, хочется такое сделать, что лучше не говорить...

Слепая любовь, как и ничем не оправданная неприязнь, никогда не вызовет у настоящих спортсменов ответного чувства.

Среди многочисленных писем, присылаемых в адрес команды ЦСКА (а почте команды может позавидовать иное крупное учреждение!), попадают самые различные — очевидно в значительной мере отражающие характер автора, круг его интересов, наклонностей и, как правило, воспитание.

Приятно читать письма-рассуждения, раздумья о судьбах отечественного хоккея. Подчас в них попадают и колючие строчки, адресованные прямо тебе. Прочтешь такое и, честно говоря, поначалу хочется отругать незнакомого корреспондента. «Мол, попробовал бы на моем месте!» А потом разберешься и видишь, что пишущий, несмотря на свою ершистость, желает тебе и твоей команде только добра и хорошей игры.

Среди наших корреспондентов-болельщиков, наверно, каждый второй склонен давать советы. В общем-то можно понять их желание видеть игру команды более яркой и красивой. Однако должен сказать начистоту: мы, игроки, за редким исключением, не пользуемся этими советами.

Да, конечно, со стороны, как говорится, виднее, все это так. Но не следует забывать, что и смотреть матч можно по-разному, как, впрочем, и живопись, и театральный спектакль, и классический балет.

По-моему, просто необходимо, как можно чаще говорить о так называемом «болении». Понимаю, что вопрос

этот и не нов и больше касается периодической печати — газет, еженедельных и ежемесячных изданий, но никак не книги. Тем не менее и мне хотелось бы затронуть тему, которую позволительно назвать взаимообусловленным и взаимосвязанным процессам воспитания и зрителя и спортсмена. Попробую доказать это на примере команды ЦСКА.

Редко у кого из болельщиков — будем придерживаться этого термина — нет среди игроков любимой команды своего кумира. Даже в самой слаженной, одинаково сильной во всех звеньях сердце приверженца спорта непременно выберет кого-либо одного, реже двух.

Какими-то своими качествами игрока, а в дальнейшем, когда мы узнали друг друга ближе, и человеческими качествами я, очевидно, чем-то пришелся по душе полковнику Соколову Николаю Николаевичу и сугубо штатскому человеку, но тоже ярому приверженцу хоккея Юрию Алексеевичу Айсену.

Так или иначе, но всегда, будь то в уютно-театральной обстановке великолепного Дворца спорта стадиона имени В. И. Ленина в Москве либо на трибунах открытых катков «Сокольники» и «Динамо», выехав на разминку, я всегда находил на трибуне высокую, представительную фигуру Соколова и несколько поодаль невозмутимого Айсена — своих персональных поклонников. Я не суеверен, не верю в приметы. Но в эти минуты я незримо получал очередной заряд бодрости, уверенности в своих силах.

Николай Николаевич бывал на всех матчах с участием команды ЦСКА независимо от турнирного положения нашего соперника. Мы, игроки, почти всегда видели его в своей раздевалке в короткие минуты отдыха между периодами. Соколов молча выслушивал, что говорили тренеры в наш адрес, и ни единым словом не выдавал своих чувств.

И лишь проходя через живой коридор зрителей на площадку, я слышал почти неизменное. «Так, Николай Михайлович, надеюсь, не подведете...»

Да простит меня Николай Николаевич, поначалу мне было чуточку смешно слышать в его голосе просительные нотки. Иной раз хотелось сказать: «Ну, а если проиграем, что с того?»

И только впоследствии — мы с час, наверно, пробродили по вечерней Москве — я понял, как иной раз много

значит для человека даже вот такое отдаленное, с трибун, прикосновение к спорту.

Я не боюсь показаться банальным, но, право же, мне было приятно узнать, что игра моей команды, и в частности моя, подняла кому-то настроение, быть может, послужила хорошей эмоциональной разрядкой после трудной работы либо, что не менее приятно, настроила кого-то на творческий лад.

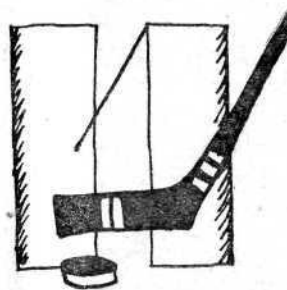
От Соколова я услышал немало дельных советов, которые помогли мне, капитану команды, правильнее разобраться в людях, найти в своих партнерах черточки характера, не замеченные мною ранее. То был прямой, откровенный разговор о правильном толковании понятия «спортивной чести», которая неотделима от чести воинской, гражданской. Разговор этот начался не вдруг. Случилось так, что один из ведущих игроков ЦСКА совершил неблаговидный поступок и его недисциплинированность легла тяжелым бременем на команду.

«Да, я знаю: команде без него будет трудно. Но ведь и ему вне коллектива покажется не так уж сладко. Шутка ли — остаться за бортом хоккея?» — заметил как-то Соколов. И по тому, каким тоном он произнес эти слова, нетрудно было догадаться, как близко к сердцу воспринято Николаем Николаевичем ЧП, происшедшее в нашем коллективе.

Я мог бы вспомнить еще несколько таких, как Соколов, любителей спорта, которых с полным правом можно назвать настоящими друзьями и помощниками спортсменов. И как бы здорово было, если бы хотя бы каждый третий зритель походил в этом смысле на Соколова и Айсена! Уверен, трибуны будут по-прежнему чутко реагировать на происходящее на поле, как уверен и в том, что на стадионах станет куда меньше, чем сейчас, свистунов, любителей всяческих шумовых эффектов, которые, кстати сказать, весьма мешают спортсменам.

Говорят, за футбол и хоккей агитировать излишне. Их популярность среди людей всех возрастов общеизвестна. И, тем не менее, мне хочется призвать молодежь, и в первую очередь наших дорогих мальчишек, взять в руки клюшки, выйти на лед и испытать ни с чем не сравнимое ощущение спортивной борьбы, получить удовольствие от поединка, в котором нет, не может быть равнодушных, если вы играете в настоящей хоккей!

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ И... НЕОКОНЧЕННАЯ

так, применяя спортивную терминологию, мое перо пошло последний круг. Кажется, не забыл ничего из того, что хотел сказать. Есть, однако, одно обстоятельство, заставившее меня повременить, прежде чем окончательно поставить точку.

Как я уже говорил в начале книги, ныне я — тренер. А тренер уже не так, как действующий игрок, смотрит — во всяком случае, должен смотреть — на спорт. Я это различие в видении хоккея почувствовал сразу, оказавшись по ту сторону борта, ограждающего ледяную площадку. Обучать других тому, что сам можешь сделать, как говорится, с закрытыми глазами, оказалось довольно нелегким и кропотливым делом. Я сужу об этом на примере моего первого и, пожалуй, самого трудного ученика — Игоря Николаевича Сологубова.

Читатель, видимо, догадался, что речь идет о моем сыне. Игорю девять лет. Как и большинство его сверстников, он твердо считает, что удел настоящих хоккеистов — это непременно забрасывать шайбу. «Пусть защищается тот, кто не умеет нападать...»

Таким образом, уже у себя под боком, в семье, я встретил оппонента, исповедующего принцип «нападение — лучшая защита», мечтающего стать грозой вратарей и ни за что не желающего заниматься оборонительной работой.

Я не случайно и не красного словца ради рассказал о реакции своего сына на мое предложение поиграть в защите. Дело в том, что, наверное, все ребята, все пацаны, каких я когда-либо видел на футбольных и хоккейных полях (я и сам был таким), всегда мечтают быть либо форвардом, либо вратарем. У них это разделение игровых функций называется «гонять или стоять».

Думается, тренер, пожелавший работать с детьми (а он непременно столкнется с всепоглощающим желанием мальчишек поражать ворота), должен убедительно

Последний матч... Николай Сологубов всего на несколько минут появился на льду, чтобы проститься с хоккеем. Впрочем, разве он может сказать хоккею «прощай»!

рассказать и умело показать, насколько увлекательны и сложны оборонительные действия защитников. Это тем более необходимо, что без умения играть в защите не обойтись и самым ярко выраженным нападающим. Иначе, о каком универсализме — ему, повторяю, принадлежит будущее в хоккее — может идти речь?

Свои взгляды я уже начал проводить в жизнь в команде «Дизелист» города Пензы, тренером которой стал зимой 1966 года. Сейчас, заходя, трудно, конечно, сказать, каким будет их воплощение. Но мне очень хочется создать по-настоящему молодую, в правильном понимании этого слова, ершистую команду!

Трудно это? Конечно! Но ведь за то, что легко, помочь, просто браться не стоит. Это все одно что выходить на матч с сознанием неизбежного проигрыша. А я, как, впрочем, все мои товарищи по команде ЦСКА, привык побеждать. Поэтому нетрудно понять мое состояние, когда побед у моей новой команды куда меньше, чем хотелось бы ее тренеру... Но если я говорю об игре «Дизелиста» без особого энтузиазма, то не из-за перестраховки. Хочу, привык и стремлюсь передать моим ученикам умение не просто побеждать, а побеждать уверенно и красиво! Спортсмены не должны, не имеют права забывать, что за их поединком смотрят подчас миллионы глаз, и далеко не безразлично, как оценивает твои выступления зритель и что ты сможешь прочитать о себе на следующий день в газете.

Кажется, только теперь я убедился, какое это нелегкое дело — труд тренера. Собственно, абсолютно неизвестной эта профессия для меня не была. Однако стоять рядом с тренером, быть его главным советчиком (в подобной роли обычно выступает капитан команды) и полностью отвечать за коллектив, за состояние каждого игрока — далеко не одно и то же.

В самом деле, ведь двух одинаковых игроков, как и людей, не бывает. А в матче они должны выполнять намеченный тренером план, оставаясь самими собой, но действуя как монолитный, проникнутый единой идеей коллектив.

Короче говоря, видя, как кто-либо из моих нынешних воспитанников-защитников, увлекшись атакой, не успеваает возвратиться в оборону, я на первых порах с трудом сдерживал себя, чтобы не отчитать вслух такого анику-

воина. В такие минуты хотелось самому выйти на лед, тряхнуть стариной и показать, как следовало бы поступить.

Но нет, товарищ тренер! Этим следует заниматься на тренировке. А сейчас стисни зубы, собери нервы в кулак и ничем не выдавай своего недовольствия. На тебя смотрят, в тебя верят, и этой верой следует дорожить.

Я немало слышал, читал, а еще больше наблюдал, как тренеру подчас нелегко воздействовать на каждого игрока, настроить его на победу. Мало ли какие заботы могут одолевать спортсмена накануне матча, от исхода которого зависит, скажем, завоевание чемпионских медалей!

Один заболел, но скрывает это, ибо нездорового на игру не выпустят, другой поссорился с женой, не сдал экзамена. Да мало ли найдется причин! Обо всем этом тренер может и не знать. А знать ему непременно надо, просто необходимо!

Эти и многие другие тренерские заботы мне уже пришлось испытать, и должен честно признаться — нелегки они, эти заботы! Особенно для спортсмена, который сам только-только перестал выступать в соревнованиях. Конечно, легче всего отчитать хоккеиста, найти в его действиях десяток ошибок. Куда труднее отыскать пути к их исправлению. И вообще, сев на трибуны, став зрителем, правда, своеобразным зрителем, тренер уже совсем по-иному, нежели игрок, воспринимает все происходящее на поле. Во всяком случае, должен так воспринимать. Не всегда это удается сразу, но к такому видению, что ли, он все равно непременно придет.

В связи с этим мне вспоминается один эпизод, который, как мне кажется, весьма типичен для такого переходного состояния спортсмена, еще не успевшего стать тренером и по-прежнему мыслящего категориями действующего игрока.

Как-то несколько лет назад я случайно попал на один из тренировочных матчей игроков сборных команд СССР по футболу. Играли первый и второй составы. То была обычная тренировка, как ее принято называть, — на двое ворот, когда наигрываются тактические связи между звеньями команды, идет последний прогон, репетиция предстоящего матча.

Я сидел рядом с тренером второй сборной Александром Пономаревым, заслуженным мастером спорта, од-

ним из наших весьма популярных мастеров футбола. Сидел и, честно говоря, удивлялся. Не тому, что видел на поле, а тому, как, всегда собранный и выдержанный, этот спортсмен и человек — мы знаем друг друга немало лет — вдруг превратился в желчного, нервного субъекта.

— Да такой мяч пешком до ворот дошел бы. А он его поднял в стратосферу!

«Он» был довольно известный игрок, которого по понятным причинам я не хочу называть. К слову сказать, футболист этот как раз отличался довольно неплохим умением поражать ворота, считался одним из главных бомбардиров команды. И, конечно же, не забил гола чисто случайно.

Это хорошо видел и еще лучше знал и сам Пономарев. Но в тот момент в нем, Пономареве, заговорил не рассудительный, оценивающий ум тренера, а спортивный азарт игрока.

Когда я как-то напомнил Александру Семеновичу Пономареву об этом случае, он признался, что не помнит такого, добавив, однако:

— Так, наверно, мячу-то деваться было некуда. Ну, и вспыхнул...

Вот это «как же можно было не забить такой простой мяч?» на первых порах не выходит из головы начинающего тренера. Пройдет какое-то определенное время, когда все образуется, все станет на свои места. Рассудок будет брать верх над чувствами, и наставник команды ничем не выдаст своего волнения, разве что выкурит на несколько папирос больше обычного (если он курящий) или невзначай застегнет пуговицу не на ту петлю пиджака или пальто.

Что я могу сказать о себе как о тренере?

Очевидно, оценку моей работе должны дать другие, старшие коллеги, у которых за плечами солидный опыт педагогической работы.

Впрочем, забегая несколько вперед, я все же замечу, что в этом случае не так-то просто установить какой-либо абсолютно точный критерий. В самом деле, что брать во главу угла, определяя успех работы тренера?

Занятое место командой в турнире, иными словами, количество набранных очков? Что ж, этот показатель, конечно же, самый заметный, самый бросающийся и, разумеется, весьма важный. Спортивный коллектив, из года в

год плетущийся в хвосте, хорошим никак не назовешь и в известной мере его тренера тоже.

Но только — в известной мере. Ибо не всегда можно сравнивать те условия, в которых приходится работать одному тренеру, с условиями какого-либо из его коллег.

Не умаляя больших заслуг того же Анатолия Владимировича Тарасова, положившего немало труда, чтобы сделать команду ЦСКА такой, какой она стала, все же нельзя не учитывать определенных особенностей этого коллектива. Армейцы, несмотря на относительную прошлогоднюю неудачу, когда они уступили звание чемпиона страны спартаковцам Москвы (а Кубок все же достался армейцам!), остаются на правом фланге нашего хоккея, и эти правофланговые занимают в великолепных условиях. Команда, по существу, круглый год имеет в своем распоряжении каток с искусственным льдом. По нынешним временам, когда число таких катков у нас в стране можно пересчитать по пальцам, это очень большое преимущество.

Я хорошо знаю армейскую команду и могу со всей прямотой сказать, что мы всегда раньше других команд, участников чемпионата страны, входили в спортивную форму. Начиная раньше кататься на коньках, мы намного опережали своих конкурентов уже на старте первенства, обеспечивая себе довольно солидный запас очков.

Правда, в последние годы нам становилось все труднее удерживать накопленный таким образом победный потенциал. И, разумеется, не только наличием крытого стадиона с искусственным льдом следует объяснять успехи команды ЦСКА. О том, как достигались эти победы, я уже упоминал и нет нужды повторяться.

Но, тем не менее, возможности для своего спортивного роста, дальнейшего совершенствования мастерства у армейцев значительно лучше, чем у других команд.

Таким образом, занятое командой место все же не является, на мой взгляд, главным критерием в оценке работы тренера. Я могу назвать несколько человек — таких, как, скажем, тренер Воскресенской команды «Химик» Николай Эпштейн, тренер киевской команды «Динамо» Дмитрий Богинов, ранее работавший с командой горьковского «Торпедо», и других тренеров, чьи команды никогда не были чемпионами страны, но сами они подготовили целую плеяду отличных хоккеистов, успешно вы-

ступающих в составе сборных команд страны на чемпионатах мира и Европы.

Есть, на мой взгляд, еще одно немаловажное положение, которое нельзя не учитывать, давая оценку педагогическому мастерству тренера. Я имею в виду воспитательную сторону учебно-тренировочного процесса, который органически входит в понятие «подготовка нового, более сложного отряда мастеров хоккея!»

Процесс этот, как я уже упоминал, взаимосвязанный, и ныне зритель просто не захочет признать настоящим мастером спортсмена, нарушающего режим, не выполняющего указаний тренера и, следовательно, подводящего весь коллектив.

Так вот по тому, сколько таких настоящих спортсменов в команде, тоже, наверное, можно судить об умении тренера.

Я умышленно столь подробно говорю о своей новой профессии, ибо считаю, что трудно, просто невозможно работать, не зная, как оценивают твою педагогическую деятельность коллеги, спортивная общественность, наконец, тот же зритель.

Не хочу быть понят превратно. Речь идет не о выставлении каких-то там отметок по пятибалльной системе. Нет, конечно. Имеется в виду установление такого порядка, при котором в конце сезона назывались бы несколько лучших наставников с опубликованием в печати, как это давно практикуется с определением лучшего вратаря, защитника и нападающего.

Думается, так считаю не я один. Замечу попутно, что не мешало бы устранить еще одну несправедливость, когда тренеры команд, занявших призовые места, не получают медалей. Неверно это! И дело здесь не в ущемленном честолюбии. Важен сам принцип. Человек, отдающий все свои знания, опыт, подчас немало свободного времени (за счет своего отдыха) для достижения большого спортивного успеха, в итоге остается обделенным в самом главном — знаке внимания и уважения.

И еще вот о чем бы мне хотелось сказать несколько слов. Я имею в виду учебу тренеров. Пока она у нас поставлена, мягко говоря, слабо. Каждый сам себе голова, сам себе мастер. Вряд ли надо доказывать, что это неправильно, и «единоличное», что ли, пользование накопленным опытом, результатами каких-то любопытных, пусть

не всегда бесспорных, экспериментов идет лишь во вред всему нашему хоккею.

Предвижу возражение: «Товарищ Сологубов, существуют же всесоюзные тренерские сборы, различного рода семинары и т. д.».

Да, бывают такие семинары, иногда и сборы. Но, во-первых, они проводятся не систематически. А во-вторых, сами доклады и сообщения, за редким исключением, оказывались весьма поверхностными, не давали пищи для размышлений, не вызывали желаний поспорить, предложить что-то свое.

Думаю, выражу общее мнение многих моих коллег, если скажу, что у нас, тренеров, еще очень мало специальной литературы, книг, в которых бы нашел отражение опыт работы лучших тренеров любительского хоккея за рубежом.

Не берусь говорить за других, я же лично довольно остро ощущаю такой «духовный» голод. И вообще с каждым днем жизнь убеждает в том, что союз теории и практики — это единственно верный и крепкий союз.

Наверное, я опять-таки не открою никаких Америк, сказав, что пора нашим тренерам выезжать за рубеж, чтобы познакомиться с работой своих коллег. Такой обмен может принести пользу и нам и нашим зарубежным друзьям. Ведь только взаимное обогащение различных хоккейных школ может благотворно сказаться на дальнейшем развитии этой игры, которую нынче во всем мире называют самой скоростной, самой вихревой. Хочу верить, что наступит такой день, когда ее назовут и самой интересной. Лично я готов сделать это сейчас, не дожидаясь какого-либо специального на сей счет симпозиума хоккеистов и тренеров.

Ну, и последнее.

О чем я мечтаю как тренер? Я уже говорил — научить своих хоккеистов играть в мужественный, темповый и непременно красивый хоккей!

Последнее обстоятельство я особо подчеркиваю, ибо поверьте: самое неприятное для настоящих спортсменов (помимо поражения, конечно) — это когда зритель покидает трибуны задолго до окончания матча, подписывая таким образом «приговор» участникам состязания.

... Из окна моей квартиры, что на шестом этаже высотного жилого дома на площади Восстания в Москве, хоро-

шо виден расположенный на железобетонной крыше нового гаража теннисный корт.

Летом, после того, как, зачехлив ракетки, с него уйдут его непосредственные хозяева — теннисисты, площадкой овладевают мальчишки. Я смотрю на них и невольно вспоминаю свое спортивное детство и юность.

В самом деле, этих неугомонных пацанов нельзя не назвать счастливыми! У них настоящий добротный футбольный мяч, а мое поколение подчас обходилось тряпичным, в лучшем случае — волейбольным мячом...

Зимой корт превращается в ледяное поле — любимый уголок конькобежцев, фигуристов, и конечно же, хоккеистов. Шайба сменяет футбольный мяч, и дробный перестук клюшек напоминает мне, что, пожалуй, пора выйти к юным хоккеистам показать, как следует вести шайбу. Я знаю, что мне придется ответить на сотни «почему». Но разве может, должно быть иначе?

Я назвал свою книгу «Мой друг хоккей» и хочу, очень хочу, чтобы он стал и твоим большим другом, дорогой читатель! И если благодаря моим запискам в нашем хоккейном полку прибудет, если моя жизнь чему-либо научит молодых спортсменов, я посчитаю, что не злоупотребил вниманием любителей хоккея.

* * *

руднее всего писать после того, когда считаешь, что работа уже закончена, когда поставлена последняя точка. Однако я не сетую на свое положение: как вы помните, назвал эту главу неоконченной, и я просто не в силах молчать тогда, когда во мне все поет.

Итак, снова пришел большой праздник на улицу советского хоккея, и я, как и миллионы приверженцев сборной команды СССР, хочу прокричать ребятам трехкратное «ура!» и пятикратное «молодцы!». Ведь завоевать мировое первенство уже само по себе большой успех. Никому не уступать чемпионскую

корону пять лет кряду, кстати и европейского хоккея тоже, — это иначе как спортивным подвигом не назовешь!

Такого добивались в довоенные годы только канадцы. Но для них чемпионаты мира были чем-то вроде увеселительной прогулки в Европу для раздачи автографов. С тех пор соотношение сил в мировом любительском хоккее стало иным. Теперь европейские игроки как бы поменялись ролями со своими учителями. Догонять вынуждены канадцы.

Венский чемпионат подтвердил основной прогноз наиболее дальновидных специалистов хоккея и спортивных обозревателей. Нынче абсолютной гегемонии какой-либо из великих хоккейных держав практически быть не может.

Что ж, тем почетнее и весомее блестящее достижение советских хоккеистов, теперь уже семикратных чемпионов мира! Ребята сделали великолепный подарок Родине в юбилейный год — год пятидесятилетия Советского государства.

Не хотелось бы кого-либо выделять из славной хоккейной дружины. Каждый в меру своих сил и спортивного умения отдал все для победы. Собственно, иначе мы и не представляли себе выступление команды. Однако, веря в победный исход венского турнира, мы (я имею в виду и себя тоже) где-то в глубине души беспокоились за состояние нашей сборной, выглядевшей на старте сезона, прямо скажем, не лучшим образом. И в том, что команда сумела «поймать» свою игру, достигнуть высшей спортивной формы именно к главному состязанию, немалая заслуга ее тренеров Аркадия Чернышева и Анатолия Тарасова и, конечно же, всего коллектива игроков.

Очень правильно поступила Федерация хоккея СССР, перенеся матчи внутреннего календаря с участием команд, поставивших игроков в сборную, на более поздние сроки. Хоккеисты сборной получили возможность отдохнуть, набраться сил и хорошо потренироваться, чтобы прибыть в Вену во всеоружии своего высокого спортивного мастерства.

Похоже, что неудачи сборной СССР во время традиционного турне по Канаде и в некоторых контрольных играх стали катализатором, активизировавшим дремавшую в хоккеистах энергию!

Как всегда, чемпионат дал немало пищи для размышлений, и сейчас, когда утихли страсти и умолкли победные фанфары, пожалуй, не лишне оглянуться на хоккейную Вену, дабы более ясно представить себе высоты олимпийского Гренобля, которые вскоре предстоит атаковать советскому хоккею.

Понимаю, что никто не думает почивать на лаврах и тем более недооценивать предстоящий олимпийский турнир. Подготовка к нему началась вскоре после окончания венского чемпионата. И тем не менее хочется высказать несколько мыслей, имеющих, как мне кажется, прямое касательство к будущим выступлениям сборной команды.

Ну, во-первых, уже одно то, что начиная с 1970 года чемпионаты мира будут проходить по двукруговой системе между шестью сильнейшими командами, надо полагать, в известной мере повлияет на тактику команд.

При таком календаре, когда каждый с каждым будет встречаться, интерес к соревнованиям, несомненно, возрастет. Можно будет играть в более «открытом» варианте, ибо одно-два поражения еще не лишит команду шансов вести борьбу за первенство и призовые места. А что значит дважды встречаться с сильным соперником? Это значит по меньшей мере удвоить часы тренировок, повысить скоростную выносливость, чтобы в случае необходимости суметь «укатать» самую подготовленную команду.

Хоккей с каждым годом становится все быстрее и быстрее. Игрокам остается все меньше времени на выполнение броска или каких-то других технических приемов. Когда соперник начинает прессинговать по всему полю, на хоккеисте, овладевшем шайбой, сидят, висят, за него цепляются. Поэтому нападающие-виртуозы все чаще применяют кистевые броски, почти без замаха клюшки. Вратари подчас не успевают шевельнуться, как резиновый кругляк врзается в сетку ворот.

Ныне в хоккее все чаще применяется игра на опережение, причем идет состязание не только в быстроте выполнения того или иного приема техники, а, что особенно важно, и в быстроте мышления в ходе матча.

Сказанное в равной степени относится ко всем игрокам, не исключая и вратарей. Так что изменение «формулы хоккейного боя» выдвигает перед игроками и тренерами ряд дополнительных проблем, не решив которые

нечего и думать о сколько-нибудь стабильных выступлениях в международных турнирах.

Не противоречат ли, однако, мои слова, высказанные сейчас, в послесловии к чемпионату, тому, о чем я упоминал ранее, говоря о состоянии нашей сборной?

Нисколько!

Я и ныне считаю, что у нас пока немного игроков, способных достойно заменить, разумеется в случае необходимости, хоккеистов основного состава.

Конечно, боевое крещение московских спартаковцев Виктора Ярославцева и Александра Якушева не может не радовать. И в этом смысле можно говорить о продолжении хорошей традиции, когда почти каждое очередное мировое первенство открывало для нашего хоккея талантливый мастеров.

Так, предшественник венского первенства, мировой чемпионат в Любляне, дал нам трех одаренных мастеров, двое из которых, Виктор Полупанов и Владимир Викулов, были, по существу, зелеными новичками, а их партнер Анатолий Фирсов только-только вступал в пору спортивной зрелости. И разве не радостно было наблюдать, как выросло мастерство всего этого звена, оказавшегося самым результативным среди очень многих сильных нападающих!

И все-таки согласитесь, что семикратные чемпионы мира должны располагать куда большим резервом, чем тот, какой есть сейчас. Нам нужны десятки новых Полупановых и Викуловых, чтобы уверенно смотреть в хоккейное завтра, не опасаясь за прочность своего чемпионского трона.

И очень хочется, чтобы подольше оставались в боевом строю наши замечательные ветераны.

Отрадно, что и мои старые друзья Саша Альметов и Венья Александров, а также и остальные мои одноклубники и вся команда (тебе, Виктор Коноваленко, особое спасибо) показали хоккей наступательный, темповый и красивый.

Вот она школа советского хоккея в действии! В ней ярко и зримо проявился характер наших парней, смелых, мужественных и по-рыцарски благородных, исповедующих правило «один за всех, все за одного!» Это и есть тот живительный коллективизм, который придает действиям команды четкость, слаженность работы хорошо вы-

веренного механизма, оставляя игроку большую свободу для импровизации.

Не умаляя достоинств многих наших нападающих, не могу не сказать (хотя дал слово не выделять кого-либо) об успехе Анатолия Фирсова, мастера, чей большой талант засверкал всеми своими гранями на венском льду.

Кто-то из журналистов не удержался, чтобы не окрестить Фирсова «хоккейным Пеле». Думаю, Анатолий не хуже меня понимает, что такое сравнение, несмотря на некоторый налет сенсационности, ко многому обязывает.

Быть лучшим нападающим в мире и очень приятно и очень... хлопотно. Ведь теперь каждый защитник непременно захочет наглухо закрыть столь именитого форварда. Поэтому, достигнув вершины, Анатолий, сделай все, чтобы удержаться на высоте!

Зная, как ты любишь хоккей и умеешь тренироваться, я верю, что такое тебе вполне по плечу. В таком трудолюбии, твоём и команды, я вижу залог ее ближайших успехов, а следовательно, успехов всего нашего хоккея.

Если успех Анатолия Фирсова в общем-то не явился очень большой неожиданностью, то достижение моего коллеги — защитника Виталия Давыдова, признанного лучшим защитником чемпионата, оказалось весьма приятным сюрпризом. Я уже писал в начале книги, что, несмотря на известные достоинства, позволявшие Давыдову успешно выступать в сборной команде, отдельные его тактические огрехи мешали показывать игру высокого класса.

И вот в Вене Виталий сыграл так, как это доступно большому хоккеисту. Я очень рад поздравить его с высоким достижением и выразить уверенность в том, что успех этот он вполне может упрочить. Поверь, Виталий, мне приятно признаться в своей ошибке, и я готов ошибаться так перед каждым чемпионатом, только бы защитники сборной команды СССР всегда были бы таким же непреодолимым барьером для соперников, каким стали в Вене вы, Саша Рагулин, Эдик Иванов, Олег Зайцев, Владимир Кузькин и Валерий Никитин.

Словом, так держать, ребята!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вместо предисловия	3
Я выбираю хоккей	5
Шайба сменяет мяч	9
Тройки, пары, вратари	25
Знакомство с канадцами	38
Тяжела ты, шапка чемпиона	46
В Мекке мирового хоккея	55
Оглядываясь и загадывая	72
Шай-бу! Шай-бу!	79
Глава последняя и... неоконченная	83

Николай Михайлович Сологубов

Мой друг хоккей

Редактор В. А. Пашинин
Художник К. Борисов
Художественный редактор Д. С. Мухин
Технический редактор М. П. Манина
Корректор Г. А. Соколова

А 09198. Сдано в набор 13/V 1967 г. Подписано к печати 4/IX 1967 г. Формат 84x108 1/32. Печ. л. 3 (Усл. печ л. 5,04) Уч.-изд. л. 5,01. Бум. л. 1,5. Бумага типографская № 2. Тираж 60 000. Зак. 278. Цена 15 коп.

Издательство «Физкультура и спорт» Комитета по печати при Совете Министров СССР, Москва, К-6, Каляевская ул., 27

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 15 коп.

